

А. Г. ИОАННИСЯН

Б $\frac{109}{442}$

ВОПРОС
НАЦИОНАЛЬНОСТИ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ
МИКАЭЛА
НАЛБАНДЯНА

АРМГИЗ

Б 109
442

А. Г. ИОАННИСЯН

ВОПРОС НАЦИОНАЛЬНОСТИ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ МИКАЭЛА
НАЛБАНДЯНА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

АРМЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕРЕВАН—1955

Государственная
Библиотека
СН СР
им. В. И. Ленина

55-65859

2019342899

-60

Крупнейший армянский мыслитель и публицист XIX века Микаэл Налбандян (1829—1866), современник и соратник великих русских революционных демократов, А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, был не только трибуном и организатором, но и выдающимся теоретиком армянского национально-освободительного движения.

Выдвинутая Налбандяном в 50—60-ых годах прошлого столетия концепция национальности занимает в его публицистическом наследии центральное место. Видя залог освобождения армянского народа в революционном союзе с народами России, возглавляемым великим русским народом, Налбандян указал своему народу путь

КНИГА ИМЕЕТ:

Печати, листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1955 г.
6						11	622 2461	627/16—250 тыс.

55-65859

-60

44
107

2019342899

Крупнейший армянский мыслитель и публицист XIX века Микаэл Налбандян (1829—1866), современник и соратник великих русских революционных демократов, А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, был не только трибуном и организатором, но и выдающимся теоретиком армянского национально-освободительного движения.

Выдвинутая Налбандяном в 50—60-ых годах прошлого столетия концепция национальности занимает в его публицистическом наследии центральное место. Видя залог освобождения армянского народа в революционном союзе с народами России, возглавляемым великим русским народом, Налбандян указал своему народу путь, блестяще выдержавший испытание времени: на пути осуществления национального освобождения и национального развития у Армении не было более надежной опоры и более верного друга, чем революционная Россия, чем вдохновляющая армянскую демократию передавая русская мысль.

Опираясь на господствующие классы, царское правительство угнетало армянские народные массы, беспощадно подавляло их национально-освободительные стремления, душило армянский язык и демократическую

культуру. В противовес этой реакционной политике, руководители русского революционного движения приветствовали освободительные стремления армянского народа, признавали его право на национальное самоопределение, связывая перспективы национального освобождения и культурного развития армянской демократии с победой в совместной революционной борьбе за свержение господствовавшего в России помещичье-капиталистического строя.

Микаэл Налбандян первый из деятелей армянской демократии установил связь с русским революционным движением и его руководителями, своим пером, словом и всей своей деятельностью указывал армянскому народу этот путь, как единственно правильный и надежный, ведущий к его освобождению. Сформулированная им революционно-демократическая концепция «национальности» и сегодня может быть противопоставлена националистическим и империалистическим теориям всех видов, как меткое боевое оружие, превзойденное лишь марксистско-ленинским освещением национального вопроса, национально-освободительных движений эпохи капитализма и перехода от капитализма к социализму.

В настоящей работе мы ставим задачу лишь наметить общие контуры формирования взглядов М. Налбандяна на вопрос национальности, останавливаясь, главным образом, на революционно-демократическом этапе его мировоззрения, представляющем наибольший интерес для нас.

1

Формирование концепции национальности в публицистике Налбандяна прошло определенный путь развития.

В одном из разделов своего «Дневника», написанном в 1858 году, то есть до того, как сложились революционно-демократические взгляды автора «Дневника», — Налбандян жаловался на то, что армянский народ лишен общенациональных органов просвещения, что на его национальной ниве не найдется и одного ростка, взращенного усилиями всей нации¹. — А между тем, — писал он, — обязанностью каждого человека является забота не только о личном, но и о коллективном, национальном благе. «Для блага всех, для блага общества надлежит проливать пот и трудиться даже больше, чем для блага собственного, ибо лишено основ счастье отдельной личности без благоденствия всех, без благоденствия общественного!»².

Свои взгляды на этот вопрос Налбандян обобщил в статье под заглавием «Заметки», написанной в том же году. «Народ, — говорил он в этой статье, — должен

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч. (на армянском языке), 1940—1949, Ереван, том 1, стр. 313.

² Там же, стр. 360.

иметь национальность, это—личность народа. Точно так же, как не может быть человека без личности, так не может быть и народа без национальности¹.

Личность человека не только не препятствует, а, наоборот, даже способствует тому, чтобы он мог понять личность других. И точно так же существование одной национальности способствует приятию права на существование и других национальностей. «Для того, чтобы освободиться от партикуляризма, от эгоцентризма, народу не надо отказываться от своей национальности: наоборот, следует признавать всякую национальность. Ни одна национальность не вправе поглощать и уничтожать другую национальность... Пусть каждый народ сохраняет свой национальный облик, пусть свободно и пышно расцветает каждая национальность в человеческом мире! Это лишь одухотворит и усилит всеобщее сотрудничество народов»².

Национальность, как «личность» народа, или же нацию, как коллективную «личность», Налбандян определяет и в других своих произведениях. Так, в одном из произведений, написанных в последние годы жизни, он писал:

«Нация—это не что иное, как коллектив индивидуумов, которых объединяет нечто общее, общие понятия, общие формы и приемы выражения этих понятий, оставляя в стороне то, что зачастую (правильно или ошибочно) относится вообще к свойствам той или иной нации. Следовательно, нация—это большая семья, следовательно нация—это огромная и исполинская личность. Да, нация—это отвлеченная личность, и если нет этой личности, то исчезает и национальность...»³

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., том II, стр. 258.

² Там же, стр. 259.

³ Там же, т. III, стр. 337.

Источник этих высказываний о народе и национальности следует искать в передовых взглядах, зародившихся и в России и на Западе еще во время национально-освободительных движений, развернувшихся против тирании Наполеона. Эти же взгляды звучали как боевые лозунги и в период революционной борьбы, которую вели народы Европы против меттерниховского реакционного режима, нацеленного на нивелирование их самостоятельности.

Свою концепцию, провозглашающую национальность личностью человечества, а также тезис о том, что народы и нации, подобно отдельным личностям, осуществляют в истории особые, только им присущие роли,—Налбандян разрабатывал под идейной зарядкой, непосредственно полученной от произведений Белинского.

«Что личность в отношении к идее человека, то народность в отношении к идее человечества. Другими словами: народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения... Человеческое присуще человеку потому, что он—человек, но оно проявляется в нем не иначе, как, во-первых, на основании его собственной личности и в той мере, в какой она может его вместить в себе, а, во-вторых, на основании его национальности... Человек силен и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь—**национальность**... Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их силою собственной национальности в собствен-

ную же сущность,—тогда он гибнет политически... Что человек без личности, то народ без национальности»¹.

Нет сомнения, что именно у Белинского заимствовал Налбандян мысль о том, что народ без национальности подобен человеку без личности, что национальность не только не ограничивает, а, наоборот, расширяет и обогащает человеческую личность, конкретизируя идею человечества. «Что же касается до великих людей,—писал Белинский,—они по преимуществу дети своей страны. Великий человек всегда национален как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собою свой народ»².

Термин «национальный» имел у Белинского более широкое значение, чем термин «народный». «Под «народом» всегда разумеют массу народонаселения, самый низший и основной слой государства,—писал Белинский. Под «нацией» разумеют весь народ, все сословия, от низшего до высшего, составляющие государственное тело...»³ «Народный поэт,—говорит Белинский,—тот, которого весь народ знает, как, например, знает Франция своего Беранже; национальный поэт—тот, которого знают все сколько-нибудь образованные классы, как, например, немцы знают Гете и Шиллера»⁴.

В последних своих произведениях великий русский критик подходил к той мысли, что путем сближения «народа» и «образованного общества» и создаются нации, достойные всемирно-исторического существования. В этом случае,—говорил он,—народ освобождается от уз рабства, а «общество», выйдя из состояния изоляции,

¹ В. Г. Белинский, Собрание сочинений под общ. ред. Головенченко, ОГИЗ, М., 1948, т. III, стр. 662 и дальше.

² Там же, стр. 664.

³ Там же, стр. 398.

⁴ Там же.

становится духовным соратником и руководителем народа.

Взгляды как Белинского, так и Налбандяна находились в постоянном движении, они видоизменялись и развивались, зачастую подвергаясь коренным преобразованиям.

До написания «Заметок» Налбандян вкладывал в термин «нация» иной социальный смысл, чем делал он это в поздних своих работах. В письме к Айрапетяну от 27 марта 1858 года он писал: «Если вы—люди, власть и достояние имущие, не поможете нам, мы—ничто, и ничего не сможем сделать для просвещения и воспитания нации... Вам должно быть известно, с какой самоотверженностью, днем и ночью надсаживая себе грудь и портя зрение, работаем мы—пишем и корректируем, печатаем и мучаемся; это все, на что способны мы. Ну, а материальная сторона? В этом уж мы бесцельны, и нация должна придти нам на помощь. Под нацией понимаем мы не темную толпу, которая не знает ни того, ни другого, а тех избранников, которые познали и себя, и свою нацию, и ее пользу и вред, и имеют доброе намерение помочь ей...»¹. Точно так же, как у Белинского, здесь «нация» отлична от «народа». «Нация»—это господствующие слои народа, власть имущие и обладающие состоянием, «сознательные» и «патриотические» «избранники» из его среды. В этот период Налбандян с похвалой отзывался о «полезной для нации» деятельности просвещенных коммерсантов (Тюсюзян, Айрапетян) или богатых вельмож и благотворителей (Лазаревы, Санасарян).

В «Слове об армянской письменности», написанном в 1854 году на «грабаре» (старокнижный язык), Налбандян спрашивал: «Неужели невозможно, чтобы

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. IV, стр. 491.

российские армяне, среди которых есть именитые богачи,—заботились, собирали и оказывали попечение, словно членам своей семьи, обездоленным, находящимся в самом жалком положении своим соотечественникам, дабы те, нуждаясь ежедневно в хлебе насущном, не продолжали вести существование скорее животное, чем разумное, и получили возможность жить более под воздействием разума, чем стихии»¹.

Но уже во второй половине 1858 года, в статье «Заметки», Налбандян указывает на то, что «нацию» составляют не только «избранники», но и выдвинувший их «простой народ».

«Нации необходима коллективная самостоятельность»,—пишет Налбандян.—И нравственная победа нации должна быть достигнута рукой всей нации». «Делить же нацию на ученых и на невежд»—бессмысленно: «Ошибочно всегда мнение, якобы нацию составляют лишь богачи или же имеющие высокое звание, ибо фундаментом общественного строения нации является простой народ. Возвысаясь из его среды, частные лица своей личной деятельностью и личной сознательностью могут оказать большие услуги великому делу просвещения и прогрессу человечества. Но добиться чего-либо они смогут лишь в том случае, если у них будут корни в простом народе, если между этими самоотверженными людьми и простым народом будет существовать непрерывающаяся и живая связь, а также взаимное понимание»².

Тут мы наталкиваемся на то же самое сближение, с которым мы встречаемся и в последних произведениях Белинского. Налбандян также обращается с призывом к верхним слоям, если они вообще хотят «чего-нибудь

добиться»—послужить делу просвещения и прогресса нации, «пустить корни» в простом народе, являющемся фундаментом общественного строения нации, установить «живую связь» с простым народом.

В тот период, когда писались «Заметки», в программе национального просвещения Налбандян еще занимал некоторое место планы просвещения купцов и даже мысль о подготовке образованных духовных пастырей. «Образованные священники в поле не растут,—писал Налбандян.—Но еще до того, как появятся образованные духовные пастыри, необходимо обеспечить училища и типографии, при помощи которых можно будет получить... магистров и философов-богословов, образованных и разумных епископов, просвещенных католиков, которые смогли бы стать хлебом насущным для народа, оберегать народ и руководить им, заботясь о его духовных потребностях. Счастливы были бы мы, если б посев наш оказался не на скале бесплодной, счастливы были бы мы, если б показом нужд нации смогли заставить задуматься над этим власть и достояние имущих в нашей нации!»³

К этой же мысли возвращается Налбандян в одном из разделов своего «Дневника». Один из корреспондентов «Комса Эммануэла» (от чьего лица Налбандян вел свой «Дневник») пишет ему: «Никто из наших именитых богачей не хочет стать Врамшапухом², но все они хотели бы, чтобы каждый духовный пастырь стал Месропом Маштоцем. Нет, братец,—без врамшапухов у нашей нации месропов не будет!»³

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 208 (примеч.).

² Живший в начале V века н. эры царь Армении, покровительствовавший Месропу Маштоцу—изобретателю армянских письмен и основоположнику древнеармянской литературы.

³ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. I, стр. 398.

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 55.
² Там же, стр. 257 и дальше.

В статье «Имеющий уши—да слышит!», написанной в тот же период, Налбандян еще более заостряет свою мысль, указывая на то, что «именитые сыны» армянского народа должны быть меценатами, покровительствуя просвещению... ибо, в противном случае, «ложно всякое просвещение, напрасны усилия и бесполезен труд»¹.

Но в более поздних произведениях уже очевидно разочарование публициста в благотворности деятельности богачей-меценатов. Обращаясь к одному из единомышленников реакционной «Мегу Айастани», некоему Исаакяну, Комс Эммануэл писал: «Обращаться же по вашему совету к нашим богачам, полностью ушедшим в плоть, и именем нации вымаливать что-либо у них мы не намерены: этот опыт у нас уже есть, и оскомина от обращения к нашим богачам навязла у нас в зубах!»²

В декабре же 1858 года Налбандян характеризует некогда прославляемых им Лазаревых, как людей, являющихся врагами национального просвещения, которые—будь это в их силах и возможностях—не преминули бы наложить запрет на издание «Юсисапайла», как органа, являвшегося идейным руководителем в деле просвещения нации³.

Перемены во взглядах писателя нашли отражение и в его литературных трудах, где уже подчеркнуты социальные контрасты:

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 408 и дальше. Автор комментариев к «Полному собранию сочинений». М. Налбандяна проявляет полнейшую неосведомленность, предполагая, что статья «Имеющий уши—да слышит!» могла быть написана в 1863—1864 гг., в Петропавловской крепости (см. там же, стр. 450). Если бы это предположение было правильным, оно внесло бы невообразимую путаницу в сложившееся у нас представление об идейном развитии М. Налбандяна.

² Там же, т. I, стр. 316.

³ Там же, т. IV, стр. 57.

«У одной—нет и рубашки на теле,
У другой—в бриллиантах ботинки!»

Отворачиваясь от людей, которые

«...Всегда из шелков, бархата
Платья шьют для себя,
Которые яства изысканные
Едят из куриного мяса,
Которые привыкли повелевать
слугами многочисленными»,—

поэт поворачивается лицом к низшим слоям народа, к народным массам, у которых

«Нет пропитания, жилища и отдыха,

Нет самого необходимого для существования»...

Налбандян сознает, что богатство не приобретается правдой: «очень часто приобретается оно ценой крови, очень часто—ценой больших жертв...»¹

Все глубже и яснее открывается ему сущность того положения, при котором, по определению Маркса, «человек попадает в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной подлости», того порядка, при котором «даже чистый свет науки не может, повидимому, сиять иначе, как только на темном фоне невежества», и где «материальные силы наделяются духовной жизнью, а человеческая жизнь отупляется до степени материальной силы»².

«Очень часто к небу возносятся жалобы и стоны угнетенных людей»,—писал Комс Эммануэл в канун нового года (1859 г.). «А в это же самое время воздух гремит от радостных кликов угнетателей-насильников... Да будет вечный стыд уделом тех, по чьей вине выступают слезы на глазах у бессильных!»³

В романе «Вызов духов» Налбандян берет под сом-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. I, стр. 309.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 5—6.

³ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. I, стр. 385.

нение «патриотизм» армянской буржуазии. «Патриот? — пишет он. — Как бы не так! А почему не сребролюб, не златолюб?! Что, сладко звучит на слух славное имя патриота, хочешь, не претерпев лишений, прослыть человеком добродетельным, да? Так ведь за пару грошей ты не только всю свою нацию продашь, но и кости родного отца из могилы выроешь!..»¹

Мрачными красками рисует Налбандян моральный облик духовенства. «Укажи соращение, причиной которого был бы не служитель церкви, укажи угнетение, героем которого был бы не служитель церкви, укажи раздор, зачинщиком которого был бы не служитель церкви!.. Да, переполнилась чаша, и поэтому заявляем всенародно: правительственный шпион — служитель церкви, предатель и изменник нации — служитель церкви... отравитель католикоса — служитель церкви, ограбивший церковь — служитель церкви; бегущий от ответственности за беспробудное пьянство, отвергнувший свою церковь и впавший в папизм — служитель церкви, отступник от своей веры из-за неизбрания в католикосы — служитель церкви... рукоположенный в духовное звание и до конца своей скотской жизни сожительствовавший с блудницей — служитель церкви; растратчик школьных сумм — служитель церкви и, наконец, все, что угодно — опять-таки служитель церкви!..»²

Развернув подобную картину жизни верхних слоев нации, Налбандян отказывается от мысли связать с ними перспективы просвещения нации. Мало того, в его произведениях и самое понятие «нации» уже получает новое значение. В произведениях, написанных в 60-х годах, Налбандян уже не говорит о том, что нацию составляет «также» простой народ, не требует уже «содей-

ствия» простого народа для обновления национальности: лишь в самодеятельности простого народа и видится ему возможность этого обновления.

Теперь «нация» и «народ» становятся уже понятиями-синонимами для Налбандяна. Нация — это уже не «избранники», не высшие слои нации, и даже не единение верхних и подвальных этажей национального здания: это те, которых он в письме Айрапетяну характеризовал, как «темную толпу», это «отверженный», угнетенный «простой народ». «Основа и рычаг национальности, — пишет Комс Эммануэл в 1860 году, — это простой народ. Как бы ни был богат людьми знаменитыми какой-нибудь народ, механизм его национальности, тем не менее, приводится в действие простым народом: именно он составляет ось, рычаг и основу этого механизма... Когда бы ни говорили мы о нашей нации, мы всегда имеем в виду простой армянский народ, а под словом «нация» разумею мы не горсточку людей, которые, поднявшись по золотым ступенькам, возвысились над нацией, — а тот бедный, достойный сострадания народ, над которым тяготеют все последствия национальных бедствий. Безутешную печаль навевает на мое сердце мысль о том, что каждый раз, когда сокрушается механизм национальности, простой народ любой нации на земле подвергается всегда более тяжким лишениям и мукам, чем отдельные личности, — да! чем люди именитые и предатели. И, наоборот, наименьшим счастьем пользуется именно простой народ даже тогда, когда еще действует механизм его национальности, в сравнении с отдельными личностями, которые, выйдя из недр общества, поднялись над ним». И эта «горсточка людей» не только ничего не теряет тогда, когда терпит крушение «механизм национальности» народа, но даже «извлекает пользу и из этого и еще больше упрочивает свое благополучие»... «Здание нации, — заключает Комс Эмма-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. I, стр. 225.

² Там же, т. III, стр. 24.

нуэл,—естественно, должно возводиться снизу, с фундамента, а этим фундаментом является простой народ. Человек, любящий свою нацию, посвятивший себя нравственному обслуживанию нации,—обязан служить интересам простого народа. Механизм национальности строится простым народом: просвещенные же люди обязаны дать лишь толчок, ход и направление этому механизму»¹. Смысл этих строк, указывающих на обязанности «просвещенных людей», т. е. идейных вождей народа, с предельной выразительностью раскрывают пламенные слова, которыми Налбандян запечатлел свое кредо в блестящем памфлете «Несколько строк» (1861 г.):

«Мы добровольно посвятили себя защите прав простого народа. Своей личности и пера своего мы не посвящали богачам: охраняемые ворами своего золота, они всегда неуязвимы, даже и в мире тиранов. Но тот несчастный армянин,—тот обираемый, жалкий, бедный, голый и голодный армянин, угнетаемый не только чужеземными варварами, но и собственными богачами, собственным духовенством, своими же полуграмотными соотечественниками, слывшими учеными или философами,—вот этот армянин по всей справедливости привлекает к себе наше внимание, именно ему, без минуты колебания, посвятили мы все наши силы и возможности.

Защищать погрязшие права этого армянина—вот основной смысл и цель нашей жизни! И для достижения этой цели не остановимся мы ни перед тюрьмой, ни перед изгнанием, защищая ее не только словом и пером, но и оружием и кровью нашей, если когда-либо удостоимся взять в руки оружие, чтобы завоевать и омыть своей кровью проповедуемую до сих пор словом свободу.

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. I, стр. 452.

Вот что мы исповедуем, вот в чем видим мы спасение народа!..»¹

Обративший взгляд к простому народу, вдохновленный великой и всеобъемлющей задачей освобождения угнетенных и обираемых народных масс, Налбандян совершает окончательный и полный поворот к революционно-демократическому восприятию национальной проблемы. Наиболее отчетливо выражен этот поворот на страницах трактата «Земледелие как верный путь», написанного в 1862 году.

«Под словом «нация»,—говорит Налбандян здесь,—следует разумеать простой народ, а не кучку богатых людей, вышедших из его среды и возвысившихся его потом и его кровью»². Автор трактата решительно отказывается связывать судьбу национального просвещения с именитыми богачами нации. «Предположим, что человек пять или десять полуобразованных, но патриотически настроенных и состоятельных, пожелают пожертвовать своим достоянием в пользу нации. Но что в силах сделать пять или десять человек, как могут они облегчить нужды миллионов людей? И разве может попечение извне просветить и воспитать огромные народные массы, если эти массы сами не обратятся к солнцу просвещения? А если эти огромные народные массы, просыпаясь утром, должны думать о том, как им поддержать и пропитать свои семьи, то как могут они задумываться над вопросом о свете или о мраке?»³.

Противопоставляя имущей части нации инициативу обездоленных народных масс, Налбандян указывал на то, что нищета народа может стать предпосылкой к его

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 23 и дальше.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 72 и дальше.

самостоятельности: народ «беден, но эта бедность может лишь заставить очнуться от апатии, чтобы мог он разглядеть дорогу, по которой шествовал, и изменить направление ее, прежде чем дойдет он до ее гибельного конца. Но если б народ был богат, ему не было бы надобности изыскивать способы, менять дорогу. Итак, нищета народа может быть, одновременно, и его спасением...»¹

Этот коренной поворот Налбандяна знаменовал собой новый этап в истории армянской общественно-политической мысли. Каждый класс, переживающий исторический подъем, беря на себя руководство общественным прогрессом для определения не только своей собственной судьбы, но и судеб всего общества,—утверждает себя, как класс национальный, как нацию. Класс, бывший ничем, стремится стать всем, как только он протягивает руку к управлению нацией или как только утверждает себя в качестве политически господствующего национального класса, в качестве представителя нации. Говорить от имени народа и национальности—это право ставшего политическим гегемоном класса до тех пор, пока класс этот еще не исчерпал своей исторически прогрессивной миссии в качестве руководителя общественного движения.

Теория Налбандяна, согласно которой бесправный элемент нации—простой народ—стремится подняться из трюма общественного корабля на капитанский мостик, стремится стать представляющим нацию классом,—была выражением исторической зрелости «простого народа» того класса, тех прослоек трудящихся, выразителем чаяний которых выступал автор трактата «Земледелие как верный путь». Она явилась показателем исторического

¹ М. Налбандян, Полное собр., соч., т. III, стр. 67.

самосознания армянского «простого народа», показателем его стремления «стать всем», осуществить господство «простого народа» над жизнью нации в целом.

Налбандян сознавал значение и роль начавшего разворачиваться в его эпоху процесса национальной консолидации армян и армянского национально-освободительного движения. Он был убежден в том, что в политической консолидации и в политическом освобождении армянской нации из-под власти чужеземных поработителей и европейских капиталистов в известной мере были заинтересованы даже имущие классы нации.

Именно поэтому и считал он необходимым обратиться с призывом о создании единого фронта демократических и буржуазных группировок нации во имя борьбы за свержение феодально-помещичьего ига и политического засилья. С призывом к единству он обращался не только к демократической молодежи страны, но даже и к купечеству страны¹.

Даже в написанной в 1865 году пародии «Помните ли нам?» Налбандян все еще связывал надежду на освобождение Армении с «единением» нации, полагая, что

«Бедняк и богач плечом к плечу—
Вот лишь в этом есть возможность спасенья...»

Но эти или подобные же строки у Налбандяна не должны смущать нас.

По своему историческому содержанию армянское национальное движение в эпоху Налбандяна было движением буржуазно-демократическим. Поскольку в этом движении армянская буржуазия в Турции и в России могла еще играть прогрессивную роль, Налбандян стремился к созданию единого фронта борьбы вместе с

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 93 и дальше.

нею. Впоследствии, когда стал уже явно проявляться реакционный поворот буржуазии (именно за период 1859—1863 гг.), Налбандян резко раскритиковал ее идеологов. Однако это не означало, что он становился на позицию принципиального отказа от тактики совместных действий с буржуазией: заостряя бдительность принимавших участие в движении народных масс в отношении «патриотизма» буржуазии, Налбандян в то же время оказывал давление на буржуазию, стремясь по мере возможностей активизировать ее антифеодальную борьбу и сопротивление, оказываемое ею европейским колонизаторам.

Своей тактикой «общенационального фронта» Налбандян не отходил от позиций представляемого им класса—«простого народа», не поступался принципами руководимого им течения—революционной демократии. Призывая нацию к единству действий, он отнюдь не выступал в роли проповедника внутринационального «мира», не переставал разоблачать, клеймить непоследовательность, бесполезные разглагольствования консервативной и либеральной буржуазии относительно освобождения и просвещения нации. Разоблачая недействительный, словесный патриотизм литературных бардов буржуазии, Налбандян превращал тактику единого фронта в одно из самых действенных оружий для заострения сознания народных масс и сплочения их боевых рядов.

Сравнение поздних работ Налбандяна с произведениями, написанными им до 1859 года, убеждает нас в том, что великий трибун армянской революционной демократии не был рожден вооруженным с головы до ног, подобно Афине Палладе: родился он нагим, как все прочие смертные, и вооружить его должны были лишь бег времени, практика борьбы, передовая мысль эпохи.

Теоретически переплавившись в горниле бурных событий революционного кризиса 1859—1861 гг., Налбандян решительно стал на позиции революционной демократии. В этом-то и следует искать истоки того нового, чем отмечены его жизнь и его высказывания в эти годы.

2

Помимо создания последовательных революционно-демократических определений понятий о «нации» и «национальности», Налбандян сумел уловить разницу и противоречия, существующие между понятиями «народ» и «государство», «народное благосостояние» и «национальное богатство».

«Необходимо знать,—писал он в трактате «Земледелие»,—что государство—это не нация, и интересы государства отнюдь не совпадают с интересами нации, пока строй государств остается таким, как сейчас». Обращаясь, в частности, к Англии—классической стране капитализма, в которой простой народ подвергался пролетаризации в максимальной степени, он опровергал распространенное мнение о богатстве Англии: «Говорят, что ни у одного государства нет столько золота, столько денег,—она всем дает в долг деньги, сама же ни в чем не терпит нужды» и т. д. «Если, говоря о том, что Англия богата,—писал Налбандян,—мы будем понимать под Англией ее правительство и дворянство,—это другое дело; но тогда указанное богатство относится не к английской нации, а к правительству и дворянству, которые не представляют собой Англии, ибо одно из них есть английское правительство, а другое — английское дворянство. Лишь тогда могли бы мы достоверно сказать, что Англия богата, когда заметили бы у единиц, составляющих миллионы в ней, хотя бы какое-либо материальное довольство. Английская нация беднее любой

другой нации и более любой нации подвержена опасности»¹.

«Правительство?.. А что такое правительство, разве это—не та же нация?

Нет!— решительно отвечает Налбандян. — Правительство—это правительство, а нация—нация; нация—это одно, правительство же—другое...»².

«...те люди,—писал Налбандян, — национальность которых заставляет трепетать весь земной шар, от полюса и до полюса, являются рабами в руках своего правительства. Правительство же, заметив, что эти нации все еще не свободны сами в себе, что они находятся во власти суеверий и предрассудков, гнилых идей и вообще превратных понятий,—хитро используя эти слабости, господствуют над ними, действуя от их имени лишь во имя собственных интересов и в целях самосохранения.

Люди еще заморожены, чары правительств продолжают еще действовать на них. Они несут бремя труда, не давая себе отчета в том—во имя чего терпят они возложенные на них лишения...»³.

Связь государства и проводимой им политики с господствующими классами,—напоминает Налбандян,—делается особенно явной во время вооруженных столкновений между государствами, когда во имя интересов правящих приносятся в жертву интересы всего «простого народа».

«И бедная нация обложена тяжелыми податями, жертвует своими мужественными сыновьями для того, чтобы отбросить врага; воодушевляется победами, распевает песни и, закончив дело, радостно возвращается к себе, полагая и веря, что совершила нечто великое, спасла отчизну, спасла ее землю, отстояла честь... Более

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 45.

² Там же, стр. 87.

³ Там же.

явной и грубой насмешки нельзя себе и вообразить! Простой народ возвращается к себе домой и вновь должен вносить подати дворянину за ту землю, которую обрабатывает и для спасения которой пошел проливать свою кровь, стал инвалидом, был изуродован его сын, брат или же отец. Доля дворянина в землях отчизны измеряется тысячами миль, а у простого народа нет и пяди собственной земли!...»¹

Определение связи, существующей между национальным богатством и народным благосостоянием, дано Марксом при рассмотрении всеобщего закона капиталистического накопления.

«Относительная величина промышленной резервной армии,—учил Маркс,—растет параллельно с ростом богатства». «Это явление,—говорит Маркс,—своеобразно было наблюдено даже экономистами XVIII века». Он установил в качестве закона то явление, что богатство нации соответствует ее населению, а бедность ее соответствует ее богатству. «Англиканско-протестантский поп Туандсен—напоминает Маркс—возвеличивал бедность, как необходимое условие богатства». А в первой четверти XIX века буржуазный доктринер Дестют де Траси цинично констатировал: «Бедные нации суть те, где народу хорошо живется, а богатые нации суть те, где народ обыкновенно беден...»².

Из указанных фактов противники буржуазного строя делали соответствующие заключения.

Еще на заре XIX века Чарльз Холл в своем труде «Влияние цивилизации на народы европейских государств» доказывал, что параллельно с ростом национального богатства падает благосостояние народов капиталистической Европы. Эту истину в дальнейшем обос-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 47.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVII, стр. 712.

новывали в своих выступлениях английские чартисты и в своих трудах французские мелкобуржуазные экономисты (в частности—Сисмонди); эта же истина нашла себе выражение в социально-утопических предложениях Оуэна и в выдвинутом Шарлем Фурье положении, гласящем, что распространенные в «цивилизованной Европе» экономические кризисы и нищета порождаются богатством и «полнокровием» «цивилизованных» наций. Закономерность этого противоречия в развитии капиталистического Запада особенно наглядно и ярко была показана в трудах русских революционных демократов и, в частности, в трудах Герцена и Чернышевского.

Не подлежит сомнению, что мысли о национальном богатстве и благосостоянии народов европейских стран, сформулированные Налбандяном на страницах его «Земледелия», совпадали со взглядами западноевропейских социалистов-утопистов и непосредственно откликались на взгляды русских революционных демократов.

Если припомним, что под термином «нация» Налбандян в «Земледелии» подразумевал «простой народ», то станет понятно, что богатство, принадлежащее господствующим классам или же защищающему их интересы капиталистическому государству, он также должен был рассматривать как обратную сторону нищеты нации или, что то же самое—простого народа.

Автор «Земледелия» видел цель армянского национального движения не только в политическом освобождении простого народа, но и в укреплении материальных предпосылок существования и развития армянской нации. С этой точки зрения крайне характерен идейный поворот, имевший место в его публицистике. В 1858 году в статье «Заметки» Налбандян писал: «Национальность—это живое единство, которое имеет в себе нечто столь же непостижимое, как жизнь и душа, и творческие

возможности, и человеческую природу, причем даже природа данной страны причастна к ее могуществу»¹.

Здесь Налбандян все еще отдает дань своим прежним идеалистическим представлениям, когда национальность все еще представлялась ему каким-то отвлеченным понятием, вне зависимости от общественно-экономической основы.

Но совершенно иное говорит Налбандян на страницах «Земледелия»: «Если основным смыслом национальности является не экономический вопрос,—бесспорно эта национальность, ложна эта национальность и погибнет она. Экономический вопрос является той силой... той единственной и устойчивой силой, которая, действуя внутри собирательной личности нации, поддерживает ее равновесие с действующими извне силами, которой только и жива ее национальность!»².

Для средневековой Армении определяющим национальность моментом являлась религия. Отвернувшийся от религии Налбандян не мог уже считать ее определяющим национальность моментом. В противовес этому, сугубо важное значение, в качестве связующего национальность элемента, должен был получить для него национальный язык, роль и значение которого он признавал и раньше. Одновременно с этим, автор «Земледелия» подчеркивал и роль земли, за которую должен был поднять оружие стремящийся к своему спасению народ. Для овладения родной землей и должен народ вознести над нею политическое знамя национальности.

Налбандян сроднился с мыслью о том, что не может быть свободной нация, пока ее сознание еще окутано темными предрассудками, пока ее «простой народ» не освободился от идейного воздействия господствующих

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 259.

² Там же, т. III, стр. 91.

классов. «Не может быть свободной нация, придавленная грузом старых представлений и предрассудков, если она пользуется лишь формальной свободой. Нет свободы без просвещения, но нет и свободы без земли». «Цель и смысл полного овладения землей и страной,—писал Налбандян,—не поиски славы и чести (это ребяческие бредни), цель и смысл этого в том, чтобы отыскать способ поддержать свою жизнь и существование»¹.

Излагаемая на страницах «Земледелия» экономическая программа, которой предстояло окончательно разрешить вопрос «человека и хлеба», должна была создать прочную материальную основу и для национальности; без такой основы,—писал Налбандян,—национальность была бы «фикцией, ложью и бессмысленностью». И, наконец, своей теорией «личности народа» Налбандян раскрывал идею духовного, нравственного бытия национальности, своими корнями уходящей в прошлое народа, в вековую его борьбу за свое существование и свободу.

«Источник нравственной жизни наций и народов,—писал еще в «Юсисапайле» Комс Эммануэл,—следует со всей тщательностью искать в причастных к жизни нации обстоятельствах. Непозволительно порицать какой-либо обычай, как национальный порок, если обычай этот вошел в жизнь нации от чужих, с которыми жила бок о бок наша нация или под игом которых находилась, угнетенная и нравственно и политически. Подобные обычаи можно лишь клеймить, как вредные в общем смысле, но не как пороки, которые проявляются в виде порождений национальной жизни, кровно свойственных нации...»².

Национальности,—учил Налбандян,—не имеют ни-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 50.
² Там же, т. I, стр. 415 и дальше.

какого отношения к «национальной крови», не совпадают с неизменными, природными особенностями расы; национальность — это историческая индивидуальность народа, та сумма его особенностей, которая, в условиях насильственного господства, третируется угнетателями, а носители ее обречены на исчезновение, в качестве так называемых «неисторических» или же «малых» народностей.

Налбандян осмеивал людей с националистической психологией, убаюкивающих себя призраком былого величия и погасшей славы национальности: «Если же люди, потерпевшие политическое кораблекрушение, понимают под национальностью нечто целое и некогда существовавшее, покрытые вековой пылью памятники которого заставляют сильнее биться сердца в их груди; если их представление о национальности берет свое начало из туманных преданий прошлого, а не обосновано непосредственно современным поколением и современными условиями; если эти люди считают возможным проявлять свою национальность в тех же рамках, в каких она проявлялась некогда,—тогда эта национальность останется всегда лишь бесплодной идеей...»¹

Налбандян решительно восставал против реакционного лже-патриотизма, единственным прибежищем которого было неумеренно прославляемое прошлое и единственной мечтой которого—возрождение этого прошлого.

В представлении Налбандяна национальность была прогрессивным историческим явлением, необходимым этапом на пути развития народов, этапом, еще не завершившим круг своей жизни, но который не может быть рассматриваем как непреходящее состояние. Не существует «отвлеченной национальности». Национальность—

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 91 и дальше.

это не логическая категория, а историческое явление, имеющее начало и конец. Если начало этого явления автор «Земледелия» обуславливает системой господствующих отношений, то конец его представляет себе в виде следствия уничтожения этой системы.

Исходя из этой своей концепции, Налбандян писал: «Нельзя отрицать национальность, как историческую действительность, как подлинно существующее в жизни человечества явление, хотя разум и не может никогда оправдать ее»¹. Эти оговорки—«хотя» и «никогда»—были последними вехами просветительства XVIII века в сознании Налбандяна. Не является случайным то, что в стихотворении, посвященном памяти человека «природы» и «истины»—Ж. Ж. Руссо, он прославлял великого просветителя именно за всеобъемлющую идею освобождения человечества.

Налбандян перечисляет ряд внутренних гарантий свободы нации, но, как подлинный гуманист, не ищет их лишь в ограниченной и самодовлеющей национальности.

Не свободна не только та нация,—говорит он,—национальность которой не признана, но зачастую и та, имя которой заставляет содрогаться весь мир. «Ее свобода—это фикция, пища ее—нематериальна: ее правительство пускает ей пыль в глаза славой своих знамен, победами своего оружия, непрерывным расширением границ государства...»² И это приводит Налбандяна к мысли, которую он развивал, говоря о свободе человека: для национальности также не имеет цены «дарованная сверху», формально «признанная», «увенчанная славой знамен» свобода,—такая свобода, при которой нация сама в себе не свободна фактически, или же когда она,

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 82.
² Там же, стр. 86.

овладев властью, применяет насилие в отношении свободы других наций.

Налбандян недалеко от марксовского восприятия национального вопроса, когда указывает на то, что не может быть свободным народ, который угнетает другие народы. Недалек он и от понимания того, что политическая свобода народа не полна без свободы социальной, без упразднения условий, создающих возможности для эксплуатации человека человеком.

С точки зрения реального демократического содержания исповедуемого Налбандяном утопического социализма, крайне характерна трактовка национально-политических вопросов в его деятельности за 1859—1862 гг. Автор «Земледелия» отстаивал обобществление созданных капитализмом средств производства и кооперирование промышленности. Но пока он стремился лишь преодолеть колониальную эксплуатацию, отвергал хищническую «цивилизацию» капитализма, гнет и господство европейской буржуазии, ее колониальную и национальную политику. Целью намеченной в «Земледелии» «экономической революции», непосредственно направленной против колониального господства европейского капитализма, европейских капиталистических держав,—было создание не только заслона перед опасностью пауперизации армянских народных масс, но и опоры для национально-освободительной борьбы с царским самодержавием и султанской тиранией. В трактате Налбандяна, написанном кровью сердца, запечатлена вековая мечта армянского крестьянства—разбить сковывающие его цепи феодального рабства и установить для всех «равное право» на клочок земли. Уничтожающая феодальную и колониальную эксплуатацию власть простого народа—вот основная национально-политическая целевая установка, осуществлению которой посвящена была практическая

революционно-демократическая деятельность Налбандяна в этот период.

3

Пламенные строки «Земледелия» раскрывают общие установки автора, его поворот в сторону борющихся за свое освобождение масс. Налбандян не пошел по пути армянских либерал-консерваторов, которые уstraшенные революцией 1848 года, отвернулись от идеи национального освобождения через революционное движение масс: они искали залог спасения нации в буржуазном просветительстве, в проводимых свыше политических или социальных реформах или же во вмешательстве европейской дипломатии.

В «Критике» романа П. Прошяна «Сос и Вардигер» Налбандян подчеркивает крупное значение, которое имела для европейского континента великая французская буржуазная революция.

«Бессмертным» называл Налбандян 1789 год. Но, тем не менее, он вскрывал некоторые из противоречий буржуазных революций и буржуазного развития в целом. Великие сдвиги истории он расценивал не с позиций ограниченного буржуазного мышления, а учета реальных их результатов для простого народа.

Предательская подмена прав человека и гражданина предоставляемым простому народу правом—умереть с голоду, или же добровольно согласиться на собственное порабощение — таков результат провозглашенных буржуазией революционных принципов применительно к простому народу,—говорит Налбандян.

«Свобода, равенство и братство,—писал он,—оставили память по себе лишь на нескольких золотых монетах. Красным же лозунгам на стенах суждено было оставаться покрытыми белой краской...». Завоевавшие

«призрачную свободу» труженики вновь вынуждены были отдавать себя в рабство другим, чтобы добыть себе на хлеб насущный. Все симпатии Налбандяна были, конечно, на стороне народа, боровшегося с царившими в Европе политическими и социальными системами. Всей душой он сочувствовал зарождавшимся и развивавшимся в Европе рабочему и крестьянскому движениям, освободительным стремлениям угнетенных наций.

В язвительных, саркастических строках Налбандяна не трудно расслышать эхо проклятий, которыми клеймили буржуазное общество «бессмертные друзья угнетенного человечества»—Руссо, Фурье, Гарибальди, Герцен. Активная борьба, которую вел народ за свое освобождение, и была, по мысли Налбандяна, предпосылкой к завоеванию свободы.

Огненная критика Налбандяна, разоблачающая и бичующая противоречия и уродства буржуазной «цивилизации», было первым в армянской действительности словом осуждения капитализма с позиций революционной демократии.

«Земледелие» является итогом исповедуемых Налбандяном социально-экономических и национально-освободительных взглядов. Обращаясь к перспективам родного народа, Налбандян связывает его будущее со свержением господствующих в Европе феодально-крепостнических и буржуазных общественных систем.

«Европа поздно родилась,—пишет он,—но очень быстро идет к старости. За несколько столетий она прошла много этапов—phase, не раз меняла и все еще продолжает менять формы правления, но и по сей день не достигла своей цели, ибо всегда старалась расширить, выправить и уровнять себе дорогу, забывая о том, что трудности вызываются не столько самой дорогой, сколько обувью, которая теснит ей ноги, не позволяя идти. А при такой беде чем ей поможет широкая дорога, если

узкая обувь?! Да, Европа сегодня стоит перед трудно разрешимым вопросом—вопросом экономическим, вопросом **человека и хлеба**. И этот вопрос должен быть рано или поздно разрешен, хотя бы и со страшными бурями. Никакое насилие, никакая консервативная система, никакое сопротивление с чьей бы то ни было стороны не смогут преградить ему путь, хотя сегодня преследуются и изгнаны пророки и апостолы этого грядущего!

И точно так же, как в средние века, из закоулков Азии вышли орды варваров и затопили Европу,—после разрешения вопроса о **человеке и хлебе** европейцы спустятся в Азию. Настанет день, когда вновь помолodeет эта старая Азия, и с этого мгновенья начнут свою историю азиатские народы, если только окажутся способны жить, как нация; если же нет, то с каждым днем они будут исчезать, чтобы сгинуть как капля воды в безбрежном море. Америка, Австралия, прочие страны и острова являются живыми свидетельствами сказанного нами. В смысле экономического вопроса Азию ждет более великое и широкое будущее, чем ждет Европу. Армянам же остается заблаговременно использовать свое положение»¹.

Налбандян предвидел блага, которые должна принести азиатскому миру победа социализма. Однако он был убежден, что страны Азии избегнут нищеты народных масс лишь в том случае, если будут искать путей спасения отличными от капиталистического мира способами. Для азиатских стран, полагал Налбандян, средством спасения и ведущей силой явится в основном «экономическая революция», то есть преобразованное на основах обобществленного землевладения и путем механизированного сельского хозяйства **земледелие**. Это

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 81.

убеждение зародилось у него в годы, когда ему довелось вблизи увидеть важные пункты Араратской равнины (Эчмиадзин, Карби, Аштарак), только-только вступавшие в фазу капиталистического развития, а также при посещении армянских поселений побережной Турции. Положение которых заставляло задуматься о необходимости отпора наступающему европейскому капиталу. Налбандян был убежден, что освобожденное от векового крепостнического ига, спаянное с сельской общиной земледелие и является тем «верным путем», который спасет мелкого армянского производителя от опасности пролетаризации.

«Незрелому капиталистическому производству, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще окутанное туманом неразвитых экономических отношений, пришлось изобретать, создавать из головы»¹.

Намечая пути борьбы с капитализмом, Налбандян видел первое средство спасения мелких производителей в создании «национальной торговли», призванной непосредственно обслуживать торговый рынок. Не отвергая права крупного национального производства и товарооборота, опирающегося на частную инициативу и на частный капитал, сохраняя право частного владения и, соответственно этому, отношения мелкого и крупного товарного производства и товарообмена,—Налбандян предполагал развивать товарооборот и, одновременно, не позволять ему приобрести капиталистический характер. Намеченная в «Земледелии» «экономическая революция» должна была явиться революцией прежде всего в области организации общественного товарооборота и кредитования. Это, конечно, была иллюзия, бессильная создать реальные преграды как перед процессом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 512.

разорения мелких производителей и мелких товаро-хозяев, так и перед перспективой их неминуемой капиталистической эволюции. Налбандян предполагал произвести «экономическую революцию» путем организации нацией денежного обращения, предоставления кредитов мелкому крестьянству, обеспечения его общинного права на землю и реализации его продукции на мировом рынке. Выдавать кредиты и вводить среди нации денежное обращение предстояло купцу, которому, одновременно, предоставлялось и право обрабатывать землю с помощью наемного труда. Не означало ли это, что крестьянство поставлено было бы в материальную зависимость от капиталистического кредитования, и не открывалась бы, тем самым, дверь для капиталистической эволюции мелкого крестьянского производства? Стремление Налбандяна—создать с помощью «национальной торговли» некое нерушимое «равновесие» между национальным земледелием и промышленностью—противоречило тому положению, что развитие этих основных отраслей производства происходит неравномерными темпами и что установленное между ними равновесие рано или поздно должно было нарушиться. В условиях частной собственности на средства сельскохозяйственного производства эта неравномерность развития неизбежно должна была проявиться и среди мелких крестьянских хозяйств, исключив возможность предупреждения расслоения крестьянства; появление сельских богачей и бедняков или же кулаков и батраков было бы неизбежным результатом создавшегося положения.

В «Критике «Соса и Вардистер» Налбандян внес в свою программу «экономической революции» одно существенное дополнение: систему торговой и кредитной ассоциации он дополнил системой производственных ассоциаций. Но и этим не преодолевался основной порок

его программы—наличие института частной собственности на средства производства.

Не подлежит сомнению, что, вопреки предположениям Налбандяна, намечаемая им «экономическая революция» должна была фактически повести страну по пути капиталистического развития.

Однако к проповедуемой Налбандяном экономической утопии можно отнести слова В. И. Ленина об основанном Герценом народническом социализме, намечавшем освобождение крестьян «вместе с землей», с установлением общинного землевладения и использованием крестьянского идеала—«права на землю».

«Будучи утопией насчет того, каковы должны быть (и будут) экономические последствия нового раздела земель, она является спутником и симптомом великого, массового демократического подъема крестьянских масс, то есть масс, составляющих большинство населения в буржуазно-крепостнической, современной России»¹. «Экономическая революция» Налбандяна была облекающей его национальную программу крестьянской утопией, в которой собственно никакой «экономической революции» не было. Без руководства рабочего класса и рабочего государства никакой антикапиталистической революции мелкое крестьянское хозяйство проделать не могло.

Несмотря на экономическую отсталость страны, капитализм уже начинал внедряться в центры России, проникать на ее окраины. Неизбежным становилось проникновение капитализма для Закавказья в целом, и для Армении—в частности. Ни проповедуемое русскими революционными демократами «общинное земельное хозяйство», и ни перекликавшийся с ними «верный путь»

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XVIII, стр. 328.

Налбандяна не могли помешать победному шествию капитализма.

Налбандян критиковал проповедуемую либеральными и консервативными руководителями армянской буржуазии «отвлеченную национальность, — то есть ту идею национальности, которая, не имея никакой связи с потребностями и нуждами «простого народа», пренебрегала его требованиями и запросами.

«Ты мне говоришь — сохраним, мол, нашу национальность, наш язык, наши предания и т. д. и т. п. — Прекрасно, — отвечаю я. — Но объясни мне, пожалуйста, для чего нужно их сохранять, какая от этого польза нам и каков будет вред, если они будут утеряны?» «Проповедовать пустыми словами национальность, не объясняя смысла своей проповеди — это же попросту слепой фанатизм, и подобная проповедь никогда не сможет пустить корни в душе народа, который, прежде чем столкнуться с абстракцией, поминутно сталкивается со вполне реальными потребностями...»¹

Отмежевываясь от идеологов консервативной буржуазии, считавших распадающиеся торгово-производственные ремесленные цеха (так называемые «амкарства») источником благосостояния для народа, и, одновременно, отказываясь и от экономических теорий либеральной буржуазии, искавшей спасение нации на путях капитализма, — Налбандян усматривал средство обеспечения городских трудовых масс в будущих сельских и городских торгово-производственных ассоциациях, стараясь увязать общественно-полезные функции последних с сельскими общинами.

В этих же организациях и предприятиях виделся Налбандяну и верный путь к развитию нации, ее про-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 91.

свещению и политическому обновлению; в них же искал он и реальную базу самозащиты нации не только против султанского деспотизма, но и против колониальной политики царизма.

При царивших в ту эпоху в России общественно-политических условиях Налбандян, так же как и его великие русские учителя и соратники, был не в состоянии уяснить себе или же предвидеть, что освобождение не только крестьян России, но и угнетаемых царизмом национальностей могло стать возможным лишь под руководством формирующегося, в результате внедрения в стране капиталистических отношений, рабочего класса и его революционного авангарда — коммунистической партии.

Тем не менее, Налбандян и его русские учителя и соратники отличались от западноевропейского утопического социализма тем, что своей деятельностью проложили путь для демократической революции в стране. В частности, марксистский этап армянской революционной мысли берет начало с той идейной вершины, которой достигла теоретическая мысль русских революционных демократов и их армянского соратника. После Налбандяна армянская общественная мысль двигалась вперед по существу лишь путем критического освоения оставленного Налбандяном богатого идейного наследия и исходя из теоретических позиций и практического применения марксистско-ленинского учения.

В 1857. и 1859—1862 гг. Налбандяну довелось посетить главные города капиталистического Запада — Вену и Венецию, Берлин и Франкфурт, Париж и Лондон. Он видел поработанные европейской «цивилизацией» колониальные и полуколониальные страны — Польшу,

Турцию, Египет, Палестину, Индию; видел и «цивилизованный» мир в ту пору, когда, в результате революционных движений 1848 года, навсегда разграничились лагеря труда и капитала, свободы и рабства, социализма и либерализма. Он наблюдал капиталистические кризисы, процессы концентрации земли и капитала, социальную разруху, вызванную буржуазной «цивилизацией» Европы, разложение мещанского и среднекрестьянского слоев, безудержную эксплуатацию трудящихся крестьян и рабочих, угнетение зависимых и малых национальностей, разгорающиеся на Западе и в колониях политические и социальные революции.

То было время, когда уже обветшала прогрессивная роль буржуазной демократии, отступившей перед либерализмом и бонапартизмом, применившим против стихийных выступлений масс ружья и пушки. То была всемирно-историческая эпоха перехода, «когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»¹.

Могло ли это пройти незаметно и бесследно для острого и проницательного взора Налбандяна, для его ищущей и восприимчивой мысли, для его боевого темперамента и настроений? Не означало ли все это, что настала пора пересмотреть вопрос о путях развития армянского народа, отказаться от перспектив, намеченных ориентировавшимися на европейскую «цивилизацию» первыми армянскими просветителями? Не означало ли это, что, отмежевываясь от либеральных восхвалителей европейской «цивилизации», следовало раскрыть темные стороны этой «цивилизации», предостеречь от разрухи, гнета и эксплуатации, которые она неминуемо принесла бы с собой?

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XVIII, стр. 10.

Выразив готовность с процентами вернуть долг признательности Европе за полученное от нее просвещение, Налбандян, тем не менее, указывал на то, что колесо европейской «цивилизации» катится по трупам не только во время военных потрясений, но и в пору мирного развития. Неограниченной эксплуатации и разбойничьим поползновениям этой «цивилизации» он противопоставлял право угнетаемых и эксплуатируемых масс на политическое и социальное освобождение. Ориентируясь на «простой народ» и «непризнанные национальности» Европы, Налбандян был исполнен ненависти к ее господствующим классам, а равно — и к обслуживающим последние правительствам. Европейская «цивилизация», говорил он, означает богатство, благосостояние, свободу и просвещение, но только не для рабочих и мелких производителей, не для обиравых и эксплуатируемых народов, или же малых, угнетенных национальностей. Угнетенное положение «нации» или «народа», его бедствия и нищета не только не исчезнут с распространением «цивилизации», но еще более возрастут, и возрастут именно по мере усиления господства этой же «цивилизации». Далеко не случайно первые же страницы «Земледелия» посвящены описанию того вызванного «хлопковым голодом» кризиса, анализу причин и описанию последствий которого для трудящихся был посвящен ряд красноречивых страниц также и автором «Капитала».

От частичного и непосредственного восприятия явления Налбандян переходил к их общей и принципиальной оценке. Не только лишь разоблачения антиобщественных деяний доморожденных богатеев и мракобесов занимали его теперь: его внимание привлекали общенациональные связи, отношения и закономерности в жизни армян, общественные и политические перспективы дальнейшего их развития. В рассматриваемых им

явлениях теперь на первый план выступали «больше группы, чем составляющие их единицы». Теперь он давал новое разрешение не только тем социально-экономическим вопросам, которые представляли перед прошедшими через бурю 1848 года западно-армянскими деятелями, но и вопросам, выдвинутым либеральными или консервативными деятелями восточных армян.

Разоблачая европейский капитализм или же клеймя его колонизаторскую «цивилизацию», Налбандян по сути дела бичевал не только идеологов компрадорской буржуазии **западных армян**, но и тех просветителей из среды **восточных армян**, которые воскуривали фимиам «европейской цивилизации»; не щадил он и армянских национал-консерваторов, вроде Шахназаряна и Агабекяна, которые, подвергая критике национальную и административную политику царизма, умалчивали об уродствах капиталистической «цивилизации» европейского Запада. Своим подходом к перспективам революционного движения в России Налбандян резко противостоял всем направлениям и группировкам армянской буржуазии и духовенства, начиная от клерикально-феодалных и национально-консервативных деятелей и вплоть до либералов, группировавшихся вокруг редактора «Юсисапайла» — Назарянца.

Борясь с армянскими национально-либеральным и национально-консервативным течениями и осваивая теорию крестьянского социализма Герцена и Чернышевского, Налбандян и его единомышленники ориентировали армянский народ на русскую демократическую революцию, как на путь единственно верный и прямой для национального освобождения угнетенного и порабощенного армянского народа.

Бичуя капиталистический мир и европейскую «цивилизацию», Налбандян первым из армянских просветителей не только вскрывал их противоречия и вызывае-

мые ими бедствия, но и определил некоторые последствия этих бедствий. В частности, не ускользнуло от его взора разлагающее влияние, которое оказывал капитализм на мелких производителей Запада и подчиненных ему колониальных и полуколониальных стран Азии. С глубокой горечью описывает он многочисленные поражения, понесенные угнетенными народами и восставшими трудящимися в борьбе с «цивилизаторами». Ито, тем не менее, в окутанном туманной завесой грядущем он различает контуры намечающегося освобождения поработенных народов.

В течение июля—сентября месяцев 1859 года Налбандян совершил поездку по Польше. Горячая симпатия, которую выражал он на страницах «Земледелия» к польскому народу, изнывавшему под пятой трех оккупирующих держав, была, повидимому, вызвана впечатлениями, полученными им во время этой поездки. Еще в конце 1860 года Налбандян из Неаполя писал Сватчану: «Здесь очень много поляков, и число их с каждым днем все растет. Носятся глухие слухи о том, якобы они хотят составить здесь вооруженный польский легион, который будет в полной готовности ждать некоего огненного сигнала...» Письмо это свидетельствует о живейшем интересе Налбандяна к этой подготовке польских революционеров, которая должна была завершиться восстанием 1863 года.

Вновь обращаясь к вопросу освобождения Польши на страницах «Земледелия», Налбандян с возмущением опровергал мнение о том, якобы поляки могли бы достичь независимости, если бы обратились к милосердию европейской дипломатии, и прежде всего добивались сочувствия Англии. «Что значит сочувствие?—с гневом спрашивал Налбандян. Все другие имеют право жить на земном шаре, а поляк не имеет? Он должен в виде милости получить то, что другие имеют, как равноправ-

ные со всеми людьми? Значит, только англичанин имеет право на жизнь, а все другие пусть себе умирают? Да и, кроме того, что же должна была совершить Польша, чтобы удостоиться сочувствия Англии,—спрашиваем мы? Самый факт существования 12-ти миллионного населения—не достаточное уже право и не достаточное основание? И разве тридцати лет протеста и кровавого мученичества недостаточно для того, чтобы вызвать сочувствие имеющего сердце очевидца?.. Но... сердце?.. Да о чем мы говорим! В Англии можно найти лишь ходячие машины и, быть может, все другое, но человеческое сердце... едва ли! Призываем в свидетели тень лорда Байрона... Когда, по предложению Фридриха Великого, Польша была разодрана на части между Россией, Пруссией и Австрией,—Англия промолчала и согласилась с этим. А сегодня, чтобы обелить себя за грех того молчания, она спрашивает о правах и достоинствах у окровавленного мученика!...»¹.

Подчеркнутые нами строки текста ясно говорят о том, что Налбандян обосновывал права Польши на независимость исключительно фактом **национального существования** польского народа и его тридцатилетним народно-повстанческим движением. Отбрасывая в сторону фикцию «сочувствия» западноевропейских держав, Налбандян на примере Польши хотел сказать угнетенным и стремящимся добиться освобождения народам, что они могут добиться полного освобождения лишь путем «окропленного кровью мученичества».

«Что же ты сделал для того, чтобы я выказал тебе сочувствие, чтобы я признал тебя живущим?»—вот вопрос, задаваемый «окровавленному мученику», говорит Налбандян.—«Это и является грубейшим издеватель-

ством и одним из самых тяжелых звеньев рабства»,—разъясняет он тут же. Спрашивающему недостаточно «факта моего существования, он не хочет признать его за реальную действительность: поневоле должен будет он ее признать лишь тогда, когда я докажу ему свое право. Но мало того,—он признает мое существование лишь после того, как убедится, что я в силах отстоять свое право на него!»¹

Налбандян выдвигал революционные задачи, разрешение коих необходимо для осуществления права на национальное самоопределение. Он противопоставлял угнетенные национальности России—«простой народ»—раздирающим их и поработившим политическим силам, и даже державам, якобы «симпатизирующим» поработленным. Он противопоставлял «непризнанные права» национальностей, их протест и реальную их силу насильственно навязываемой им «цивилизации» и вмешательству держав—«арбитров». Вновь и вновь подчеркивал он неразрывную связь **силы и права**... Европа признает право народов на самоопределение, когда видит за этим правом подкрепляющую его вооруженную силу народа. Но сила народа должна иметь материальную опору,—политика связана с экономикой. Налбандян сознавал связь национального вопроса с вопросом экономическим и, в первую очередь, с аграрным вопросом.

Письмо к Сватчану является важным документом, выявляющим горячие симпатии Налбандяна и к гарибальдийскому движению. «Когда наш пароход приблизился к берегу,—писал он,—на пристани Мессины мы увидели огромную оживленную толпу юношей, красные рубашки которых свидетельствовали о том, что они являются бойцами армии итальянского героя — Гарибальди. На лицах этих пылких юношей читалась радость

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 86.

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 85.

и спокойная совесть. Чело их сияло заслуженной гордостью...»¹

У Налбандяна было ясное и правильное представление о целях и движущих силах развернувшейся в Италии борьбы. «Не только против чужеземных насильников сражается итальянский народ,—писал он в том же письме,—он сражается и против внутренних своих врагов». Среди этих врагов Налбандян отмечал дворянство Италии, растоптавшее под ногами свободу и права простого народа, «богатеющее обнищанием окружающих и господствующее над разумом нации»². Но не в меньшей мере угнетало разум нации и католическое духовенство: «Этот Рим стал подлинным бедствием для человечества,—писал Налбандян.—Основанный на рабстве и насилии, Рим и по сей день остался верен своему принципу... Но настоящее положение Италии, тревожное состояние умов повсюду свидетельствуют о том, что вскоре ударит роковой час Рима...»³

В дни, когда писалось это письмо, итальянская буржуазия еще поддерживала свои связи с народным движением. Передовые слои буржуазии сражались вместе с повстанцами. Но Налбандяну ясны были внутренние несогласия соратников.

«За спиной Гарибальди,—писал он,—стоит простой народ; за спиной Виктора-Эммануила—буржуазия, или, как писал Налбандян—«граждане, то есть—средний слой народа». Налбандян указывал на то, что и Гарибальди и Виктор-Эммануил—«оба сражаются во имя освобождения Италии. Он понимал, однако, что между ними существует «огромная разница», что они рассматривают дело освобождения родины, исходя из «раз-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. IV, стр. 82 и дальше.

² Там же, стр. 83.

³ Там же.

личных принципов». Надо ли говорить о том, что все симпатии армянского революционера были на стороне борющегося за свободную Италию «простого народа» и его героического вождя—Гарибальди?

Ярая ненависть Налбандяна к врагам итальянского народа выражена в «Песне итальянской девушки», написанной им еще в июле 1859 года. Разгромить Австрию, завоевать свободу скованной цепями порабощения Италии—вот лейтмотив этой песни.

Когда создавалась эта песня, уже подписан был в Виллафранко договор, наносивший удар в спину сражающемуся итальянскому народу. Наполеон III раздирает грудь вольной Италии, оставляя в когтях Габсбургов Венецию и окружающие ее земли. Борьба за освобождение Италии вступала в новый этап революционного развития. Налбандян в это время уже знал, что Виллафранкский мир был направлен не только против свободы Италии: он понадобился коронованному вождю авантюристу французской буржуазии, чтобы «гордостью внешних побед подавить и бесследно стереть внутреннюю свободу французского народа»⁴. Но, вместе с тем, Налбандян был убежден, что французская демократия не променяет своего национального свободолюбия на чечевичную похлебку империи.

Своей замечательной песней Налбандян приветствовал вновь разгоравшееся восстание, поскольку революционные призывы итальянских повстанцев напоминали ему о разворачивающемся в России движении, победа которого имела бы «великое значение» для освобождения угнетенных народов. Сообщая об итальянских событиях, певец свободы армянского народа давал читателям повод задуматься о положении родной страны и о революционных путях выхода из этого положения. Поэт-гражданин

⁴ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 278.

оставался верен своему призванию организатора революционных сил, горниста революционной побудки армянского народа.

Невольно приходит на память Добролюбов, в это же время колесивший по Италии и своими письмами, описывающими события в Неаполе, будивший и оттачивавший революционную мысль своего народа. Проникнутое проникательностью, раскрывающее политический смысл и классовое содержание событий адресованное Свачяну письмо Налбандяна заканчивалось пламенными строками: «Не завидую я свободе Италии, — а, наоборот, от души радуюсь ей. Но когда я сравниваю ее свободу с немощью моей нации, — ноет у меня сердце и горит душа... Дымят Этна и Везувий. Неужели никогда не извергнется огонь из древнего вулкана Арарата?!.. Смертельна эта мысль!» На склонах итальянских вулканов Налбандян с горечью вспоминал все еще дремлющую стихию родного края, и перед глазами его мелькали копошащиеся вокруг родины призраки реакции. Но даже на мрачном фоне отечественной действительности Налбандян не забывал своих друзей и единомышленников, тех, кто вступает «на мост спасения отчизны» и «в груди которых бьется подлинно армянское сердце!»¹

Еще в конце 50-х годов Налбандян характеризовал восстание в Индии как движение, которым эксплуатируемые люди стремятся завоевать лишь свою собственную свободу. «Англия объята страхом, — писал Налбандян, — как бы и индусы не прошли по тому мосту, через который прошли в свое время североамериканцы. Англии повезло лишь в том, что среди индусов не оказалось Франклинов и Вашингтонов. Кроме того, Англия проникла и в Китай: недавно она захватила Кантон и

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. IV, стр. 86.

тешит себя надеждой, выступив на международном рынке, развернуть свою торговлю опиумом...»¹

До Налбандяна, во время посещения Индии в 1861 году, доходили глухие отклики потопленного в крови восстания. Воочию увидевший бесчеловечную колониальную эксплуатацию, вызвавшую восстания в Индии и Китае, автор «Земледелия» писал:

«Англия закупает в Индии определенное количество опиума у народа за 25 фунтов стерлингов, а сама продает то же количество за 250 фунтов стерлингов. Но никто, кроме правительства, не имеет права покупать опиум у крестьянина точно так же, как и крестьянин не имеет права продавать опиум кому-либо другому...

— Она распространяет цивилизацию!

Англия в принудительном порядке ежемесячно ввозит в Китай по три парохода опиума и, отравляя человечество, получает взамен по три парохода серебра в месяц. Это же безнравственно!

— Она распространяет цивилизацию!»²

Первые строки «Земледелия» посвящены той войне, которая, в связи с вопросом об освобождении рабов, разгорелась между северными и южными штатами Америки. Анализируя вызванный этой войной экономический кризис в Англии и Франции и его отражение в области взаимоотношений труда и капитала, автор «Земледелия» спешит поведать соотечественникам о тех ужасах, которые несет с собой капиталистическая система...

В эти же годы у Налбандяна была возможность воочию видеть результаты дискриминационной политики Англии в отношении Ирландии.

«Ирландия, — указывал он, — по своему географическому положению, своим естественным границам, своей

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. I, стр. 197.

² Там же, т. III, стр. 88.

религией, обычаями и традициями бесконечно далека от Англии. Она более богата талантливыми людьми, чем сама Англия. Но, вопреки желанию Ирландии, Англия держит ее под своей властью, а не так давно в «Таймсе» было объявлено, что стремящиеся к независимости Ирландии могут быть осуждены на каторжные работы, как восстающие против английского правительства...

— Она (Англия) распространяет цивилизацию...¹

От внимания путешественника не ускользнуло и положение, царившее в Центральной Европе. Саркастические его реплики беспощадно клеймили политику Австрии, Пруссии и Ватикана, откликаясь на развернувшиеся против них национально-революционные движения.

Но приливная волна массовых движений вздымалась не только в Западной или же Центральной Европе. Даже на стонущем под жандармской пятой Европейском Востоке, который в 48 году оставался вдалеке от революционных вспышек,—в атмосфере Крымского поражения и всемирного кризиса получили широкое распространение волнения среди «освобожденных» крепостных.

В России разворачивались национально-освободительные движения среди поляков, украинцев, финнов и народов Кавказа, а царизм собирался с силами, чтобы нанести им решительный контрудар.

«Русские тюрьмы,—писал автор «Земледелия»,—переполнены поляками. Кажется, скоро поляков в Сибири будет больше, чем в самой Польше. На площадях Варшавы кровь доходит по колено людям. Солдаты, нападая на безоружное население, беспощадно убивают всех, не разбирая ни возраста, ни пола... Немецко-татарское правительство России сосет кровь Польши, словно

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 88.

некий вампир, закрывает ее церкви и школы, предписывая полякам превратиться в камень или дерево...

— Она распространяет цивилизацию!»

Не обходит Налбандян вниманием также и положение угнетенных национальностей Восточной Европы и Кавказа. «Малороссия... просит вернуть ей независимость, но правительство России заковало ее в цепи, и отвечает проповедникам ее свободы тюрьмами, кнутом и ссылкой...¹

— Распространяет цивилизацию!

«Она захватила и поработила Финляндию!..

— Распространяет цивилизацию!

«Она обманом захватила Грузию и часть Армении, давит их своей тяжестью!

— Распространяет цивилизацию...»²

Эти строки, полные возмущения и сарказма, писались в дни, когда в России уже всколыхнулась стихия крестьянских волнений, а Польша переживала канун всенародного восстания 1863 года; когда среди закавказских народов, постепенно нарастая, ширился протест масс против колониальной политики царизма,—протест, который в 65 году должен был вылиться в бурные волнения тифлисских «амкарств» и борчалинского крестьянства.

5

Перспективу политического освобождения нации Налбандян связывал с разворотом революционных движений не только против варварских режимов, вроде турецкого, но и против всех режимов «цивилизованных»

¹ Здесь, несомненно, Налбандян имеет в виду Шевченко, которого он мог видеть в Петербурге в 1859 году, и смерть которого в 1861 году должна была послужить поводом для выражения этого сочувствия к его судьбе.

² М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 89.

угнетателей. Огненными строками заклеил Налбандян ту «цивилизацию», от имени которой лицемерно говорили надругавшиеся над свободой народов миродержавные хищники.

«Все они,—писал он,—словно силой приставленные учителя, распространяют цивилизацию, и никто не спрашивает ученика—хочет ли он учиться, или же нет? Однако не надо упускать из виду и разницу между их цивилизацией и цивилизацией в нашем понимании. Тюрьмы—вот их школы, полицейские и жандармы—вот их воспитатели, цепи—вот их книга наставлений, ссылка—вот место высшего морального оздоровления, а виселица и позорный столб эшафота—вот «врата праведные, к жизни вечной ведущие»...

Так да здравствует кот, изловивший мышь для собственного брюха!»¹

Борясь с иноземными захватчиками и чужеземными угнетателями, Налбандян искал союзников среди народов поработенных стран, среди трудящихся всех стран. Поработенные народы английских колоний,—указывал он,—борются против владычества английского правительства, но они же могут заключить боевой союз с английскими рабочими, вместе с ними завоевывая и землю и свободу.

«Пусть какой-либо деятельный человек, родом хотя бы даже из поработенной нации,—говорит Налбандян,—обратится к безработным и отчаявшимся труженикам в Англии и предложит им: «Братья, в таком-то месте земного шара я некогда владел землей и был свободен. Но потом разбойники отняли у меня и землю и свободу. Давайте отправимся туда вместе на следующих условиях: каждый из едущих со мной должен иметь

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 89 и дальше.

оружье в руках и, в случае необходимости, должен сражаться со мной наравне, чтобы выволить страну из рук разбойника. Вот мое требование к вам! А вместо этого я, от имени моей нации, обещаю каждому прибывшему с оружием в руках человеку столько земли, сколько достанется на долю мне или любому члену моей нации...»¹

Этот пример, приведенный Налбандяном в «Земледелии», конечно, не является случайным: в нем заключен один из существенных моментов его теории национальности и национально-освободительной его программы.

Разоблачая политику колониальных держав, автор «Земледелия», однако, ни словом не обмолвился о бонапартистской Франции. Это обстоятельство могло подать повод мнению о том, что преклонявшийся перед идеей освобождения Италии Налбандян разделял иллюзии Бакунина насчет позиции Бонапарта, или же что он также поддался тем бонапартистским настроениям, выразителями которых во время Зейтунского восстания выступали в Константинополе армянские либералы, а в Европе—Ст. Восканян, архимандрит Карапет Шахназарян и другие армянские деятели.

Подобные мнения действительно выражались, и то не раз. Достаточно упомянуть хотя бы главный источник либеральных измышлений относительно Налбандяна — книгу Лео «Идеология турецких армян» или же бредни, сочиненные о Налбандяне дашнакскими писателями.

Налбандян клеймил и осмеивал не отдельные европейские тирании, а всех вообще «насиленно приставленных учителей» европейской «цивилизации» даже и в том случае, когда они выступали в роли блюстителей *status quo* Турции, в роли защитников «права наций»

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 47 и дальше.

или же «равновесия между нациями». «Да, человечество—не более чем некая баранта, предоставленная ножу и весам мясника! Вплоть до настоящего дня всякое нападение и всякая оборона происходили именно во имя сохранения этого «равновесия»... И с того дня, как правительства, для оправдания своих действий и для сокрытия от толпы взятого ими курса, хитроумно начертали на своем знамени «равновесие и право», с той минуты, говорим мы, национальность превратилась в привидение, преследующее правительства...»¹

Здесь Налбандян правильно отмечает противоречие, существовавшее между лозунгами государств о междунаро́дном «равновесии», о «праве» и их внутренней национальной политикой. «Если существуют равновесие и право в отношениях между государствами,—писал Налбандян,—то такое же равновесие и право должны иметь место и в отношениях между государствами и поработенными ими нациями. Тебе желательно сохранение твоего равновесия, и это—во имя права; но меня-то, который совершенно чужд тебе и не имеет к тебе совершенно никакого отношения, почему ты насильно кладешь на чашу своих весов, вопреки моему желанию? С другими государствами ты говоришь от имени права, но почему же в отношении меня ты попираешь ногами то же право, чиня жесточайшее беззаконие?!...»²

Со времени Талейрана ни одна из великих буржуазных держав не выступала столь часто и столь высокопарно от имени «принципа национальности», «справедливого перераспределения сил», «международного равновесия» и «права», как бонапартистская Франция. Молчание же Налбандяна о бонапартистской Франции следует объяснить тем, что трактат «Земледелие как

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 90.

² Там же.

верный путь» печатался в Париже, и автор его вынужден был обойти молчанием политику французского правительства. Но еще задолго до издания этого труда, в 1859 году, в одной из своих подписанных псевдонимом корреспонденций, Налбандян клеймил Луи Бонапарта как человека, «предательством и насилием второго декабря ставшего руководителем французской республики»¹.

«То, что отнял Наполеон у французского народа,—с горечью писал Налбандян,—дал он обратно тем возмездием, которое удовлетворило его. То бурное ликование, которым Париж 15 числа прошлого августа принял своего короля, вернувшегося из Италии, не оставляет никакого сомнения насчет этого. Политический инсценировщик заговора второго декабря вполне достоин французского народа наших дней!...»²

Того же Луи Бонапарта имел в виду в том же году Комс Эммануэл, говоря о Ламартине: «Горько обманут он был и в своей жизни, и обманщик его обитает во дворцах Тюильри, Лувра и Сен-Клу. Для Ламартина же пришлось собирать пожертвования, чтоб он мог жить. Разве легко было ему принять от неблагодарного тирана 14 тысяч франков в виде милостыни?...»³

Именно к бонапартистской Франции относились слова Налбандяна в одной из статей, написанных уже в 1865 году, т. е. после выхода из тюрьмы—«Ватикан еле-еле держится, и то французскими штыками...»⁴ Мы видим, как ясно представлял себе Налбандян сущность связей между папским Римом и бонапартистской Францией.

Узник Алексеевского равелина критиковал француз-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 278.

² Там же.

³ Там же, т. I, стр. 428.

⁴ Там же, т. III, стр. 219.

ского историка Леона Фоше (в связи с его книгой «История Англии») за то, что, клеймя завоевательную политику Англии, тот обходил молчанием подобную же политику Франции.

«Я не англоман,—писал Налбандян,—но справедливость прежде всего. Фоше, в число других шатких упреков, говоря об Англии, Индию и Канаду ставит ей в вину. Согласен; но разве у Франции менее липки ладони? Упрекая Англию за рутинизм, Фоше не должен был упрекать ее, в таком случае, за завоевание, но как оправдывает Фоше Францию, следящую за «успехами политической философии», когда она в эпоху своей терпимости свободы, легион за легионами посылала, чтобы поработить Африку? Упомянул бы о Ницце и Савою,—но это будет обвинение *ex post facto*, потому что при составлении этой книги этого еще не было...»¹ Не обманывался Налбандян и насчет «армянофильства» Франции или же Англии. «Весь вопрос, говоря вкратце, вот в чем,—писал он:—армяне в Турции находятся вне всякой защиты. Английское и французское правительства употребляют это в свою пользу: они принимают под свою защиту от насилий турецких пашей тех из христиан, которые переходят в протестантизм или же в католичество...»²

Резкие выступления Налбандяна против мхитаристской конгрегации армян-католиков в значительной мере определялись их зависимостью от реакционной Европы.

«Несчастный армянский народ!—писал он в статье «Заметки».—Сыновья его, терпевшие бесчисленные муки от всех прочих могучих тиранов, ныне терпят мученья и от руки рокового папы... Когда же исчезнет из Венеции презренный флаг Австрии, когда будет утверждено

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. IV, стр. 148.
² Там же, стр. 184.

там трехцветное знамя возрожденной Италии, прямо против монастыря св. Лазаря, чтобы на рабстве основанный, в рабстве пребывающий вечный город рукою рабства (был освобожден и) с башни св. Ангела провозгласил свободу совести, и наши бедные собратья освободились, наконец, от оков нового Язкерта?!»¹

Борьбу против католических миссионеров Налбандян считал частью борьбы против буржуазных государств Запада. Тот же смысл вкладывал он и в борьбу против деятельности протестантских миссионеров.

Описывая деятельность протестантских миссионеров американского общества «Боард», которые еще с 1827 года усиленно занимались «распространением христианства» среди обездоленного армянского населения турецкой столицы, корреспондент тифлисской газеты «Кавказ» писал: «Именно среди этой обездоленной части армянского населения Константинополя и бродят миссионеры буржуазных государств. Оказывая беднякам некоторую помощь, они в самых мрачных красках представляют им все, что является для них национальным, уверяя, что все их мучения происходят от того, что они исповедуют армяно-григорианскую веру»².

По словам корреспондента, посылающие этих миссионеров американцы убеждены, что среди мусульман могут проживать лишь евреи или же идолопоклонники-язычники, но никак не христиане, которые, по корану, подлежат изгнанию. Корреспондент уверял, что и по сей день покровительствующие миссионерам американцы или не считают армян за христиан, или же принимают армян за людей, некогда бывших мусульманами и потом уже принявших христианство.

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 219 и дальше.

² См. газ. «Кавказ», № 16 за 1868 год.—цикл статей «Письма из Константинополя».

Еще раньше, чем это было написано в газете «Кавказ», то же самое явление отмечал и Налбандян. Он указывал на то, что американские миссионеры «работают на тех же самых началах, на которых почтенный Франсуа Ксавье работал в Индии, в Японии и на которых последующие апостолы-иезуиты работали в столице «Сына Неба»¹.

«Господа миссионеры перед трибуналом своей миссии весь армянский народ выдали за магометан, и скудное число наличными деньгами или покровительством английского посольства купленных прозелитов преувеличили до десятков тысяч»,—указывал Налбандян в одном из писем².

Налбандян считал жизненно необходимым противопоставить деятельности католических и протестантских агентов европейских и американских колонизаторов помощь, которую могла бы оказывать западным армянам Россия.

«Армянский народ,—писал он,—лишенный всякой внешней защиты, предоставленный на произвол Порты (Турции), мало-по-малу перейдет (как уже переходит!) частью—в католицизм, частью же—в протестантизм, и, вместе с тем, распространится и нравственное влияние Франции и Англии в Турции. Между тем, армяне по всей Турции расположены в пользу России, а если окажется им со стороны русского правительства хотя бы малейшая поддержка,—тогда французское и английское правительства лишатся возможности действовать на них, и, следовательно, пропаганда их веры и влияния остановится»³.

Налбандян не ограничивался лишь тем, что срывал

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. IV, стр. 183.

² Там же.

³ М. Налбандян, Неизданные произведения, М., 1935, стр. 52 (на арм. языке).

маску фарисейства с католических или протестантских распространителей христианства. С той же страстностью боролся он и против армяно-григорианских общественных деятелей, продававших свое перо и свою совесть тому или иному европейскому государству. С этой точки зрения крайне знаменательна его последовательная борьба против Габриэла Айвазовского, разоблачение небаговидных деяний Чамурчяна или же Балтазаряна.

Вопрос национальности Налбандян рассматривал не только с точки зрения нужд и требований «простого народа», но и под углом демократического гуманизма.

«Для того, чтобы освободиться от партикуляризма и национального эгоцентризма, совсем не требуется, чтобы народ стер свою национальность. Наоборот, надо признавать всякую национальность!»¹

А в своем «Дневнике» Комс Эммануэл связывает «сознательную» национальную жизнь, национальное движение и «дееспособность нации» с «общечеловеческой жизнью», с общим возрождением и просвещением человечества, с движением, подготавливающим его полное освобождение².

Особенно открыто и ясно принципы гуманизма развиваются Налбандяном на страницах «Земледеи». По существу его занимает лишь вопрос человека, вопрос полного освобождения человека. Однако Налбандян указывал на то, что «человек еще не дошел до того, чтобы выступать без второстепенного и официального наименования, лишь под природным именем человека, как такового. Доныне еще на свете нет человека, доныне еще существуют лишь народы...»³

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 259.

² Там же, т. I, стр. 487 и дальше.

³ Там же, т. III, стр. 82.

Среди миллионов людей никто не проявляет себя, как человек, люди выступают, как члены той или иной собирательной личности—национальности, которая живет и стремится утвердить свое бытие, как своеобразное нравственное целое, у которого «есть собственная жизнь, собственный язык, собственные обычаи, собственные традиции»¹.

С исторической точки зрения, коллектив национальности первичнее коллектива человечества: каждый человек входит в человечество со своей национальностью².

«Наш общий долг,—писал Налбандян,—оставаться под нашим национальным знаменем до тех пор, пока другие несут знамя собственной национальности»³. Но как сильно отличается поднятое Налбандяном знамя национальности от тех знамен, развернув которые кровавый империализм дважды на глазах нашего поколения превращал в бойню чуть ли не весь земной шар!

Налбандян воспринимал национальность как проблему, вызванную текущим историческим бытием народов.

Он полагал, что вопрос национальности должен отпасть, если будет признана всякая национальность, если будут уничтожены всякое национально-политическое притеснение и гнет. «Да,—заявлял он,—если сегодня равноправие будет установлено на всем земном шаре, если сегодня же будут уничтожены все существующие государственные системы,—то завтра же не только не останется вопроса о национальности, но он будет попросту излишним!»⁴

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 83.

² Сравни с тем же местом, т. I, стр. 454.

³ Там же, т. III, стр. 81.

⁴ Там же.

Вопрос национальности существует, как проблема реальной действительности, до тех пор, пока господствующие национальности продолжают угнетать, обирать «непризнанные» национальности, относиться к ним с пренебрежением, пока какая-либо слепая и фанатичная национальность не откажется от привычки «закалывать быка другой национальности» лишь из желания заполучить «вертел шашлыка»¹.

Революционно-демократический гуманизм Налбандяна является полной противоположностью хищническому империализму буржуазии, накладывающему лапы на грудь собственного народа и готовому перервать глотку всем другим народам. Может показаться, что именно к современным американским гангстерам, отвергающим право национальностей на самоопределение, направлены следующие слова Налбандяна:

«Вредна и незаконна та национальность, которая всякую другую приносит в жертву себе... И какой бы необузданной ни была такая национальность, как бы ни неистовствовала она сегодня,—все равно, время сотрет ее, ибо одни страсти могут быть вытеснены другими, порожденными обстоятельствами»².

С политической точки зрения вопрос самоопределения национальности воспринимался Налбандяном, как рычаг борьбы народов, направленной на свержение тирании, «как право, как протест во имя возможности приобретения клочка земли на земном шаре, во имя того, чтобы эти национальности могли обеспечить себе существование, чтобы они не становились пленниками и рабами других национальностей»³.

«Храни свою национальность, будь тверд в своей любви к родной стране, люби своих собратьев, сохрани

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 82.

² Там же, стр. 90.

³ Там же, стр. 91.

свой язык—знамя твоей национальности,—и все это даст тебе право на обладание клочком земли, который избавит тебя и от рабства и от нищеты!...»¹

Налбандян был убежден в том, что отстаиваемое им право национального самоопределения не только не противоречит идее человечества, но и непосредственно способствует ее победе. «Национальность не несет никакой вины и даже заслуживает восхваления, если она стремится облегчить дело всего человечества, от имени своей собирательной личности добиваясь прав для того, чтобы равномерно распределить все эти права и преимущества между всеми своими членами»².

Взгляды, развиваемые Налбандяном, невольно вызывают в памяти слова Герцена: «Народность, как знамя, как боевой крик, только тогда окружается ореолом, когда народ борется за свою независимость, когда свергает иноземное иго»³.

Не имеющий ничего общего с буржуазным пацифизмом и беззубым христианским «человеколюбием», отказывающимся от сопротивления злу насилем,—действительный гуманизм Налбандяна и его русских друзей поднимал знамя борьбы с тиранами, твердо стоя на принципиальных позициях преодоления насилия насилем же.

В статьях, трактующих вопросы истории, Налбандян рассматривал национально-освободительную борьбу армянского народа как ось его политической истории, не попадаясь на приманку националистической теории исторического процесса. Проектируемый Налбандяном учебник истории Армении должен был стать не только оружием борьбы во имя освобождения армянского народа, но и прочной основой для братской дружбы армян-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 91.

² Там же.

³ А. И. Герцен, Былое и думы, тл. XXX, ОГИЗ, Л., 1946, стр. 284.

ского и соседних с ним народов, товарищей его по судьбе. Борющиеся за консолидацию своей национальности армянские массы не должны оставаться в неведении о судьбе братских народов соседних стран, об однородных их столкновениях с внешними и внутренними угнетателями и эксплуататорами.

В этом отношении особенно знаменательна критика романа Перча Прошяна «Сос и Вардигер», написанная Налбандяном в Алексеевском равелине.

В своих предшествующих работах, при рассмотрении вопроса о национально-освободительном движении, останавливаясь, в частности, на задачах освободительного движения среди западных армян, Налбандян не имел случая разобрань вопрос исключительной важности—вопрос о социальном и политическом сосуществовании армянских и тюркских народных масс. Это было сделано лишь в упомянутой критике, хотя, заточенный в равелин, Налбандян, конечно, не имел уже возможности полностью осветить этот вопрос.

В критике романа «Сос и Вардигер» тепло и душевно говорится о братских отношениях, о дружеских связях между живущими бок о бок армянским и тюркским народами. «Тюрк и армянин,—пишет Налбандян,—живут сегодня почти на одной и той же земле; их народы испытывают воздействие одной и той же почвы, одной и той же пищи, одной и той же природы. До самого последнего времени они политически находились под властью одного и того же правительства. Оба они—азиаты, уроженцы Востока и, естественно, манерой думать и говорить близки друг другу, ибо, как мы уже сказали, живут в совершенно аналогичных условиях. Тот, кто отделяет народ от народа лишь по имени его или же по религии, конечно, не сумеет рассказать или пояснить—в чем естественная причина того, что тюрку так нравятся тоскливые и жалобные песни и мелодии

армян, или же армянину—тюркские песни, тогда так оба они безразличны к симфониям Бетховена, для обоих что Моцартовский «Дон-Жуан», что «глас вопиющего в пустыне»: для обоих в тысячу раз предпочтительней прослушать «Горе тебе, злосчастный армянский народ!», или «Откуда ты летишь, журавль?», песни о Кер-оглы или же об Ашуг-Харибе. Вопрос не в том, что тут хорошо и что дурно: необходимо принять явление так, как оно имеет место в действительности. Но если мы учтем природу явления, а именно—тождественное по степени и форме развитие, то, что оба эти народа были одинаково угнетены и обираемы,—тогда станет очевидным, что, связанные вот такими связями друг с другом армянский и тюркский народы, несомненно, не могли быть далеки друг от друга и психологически. Пусть себе говорят, что угодно, но человеческая душа отражает внешнюю природу!»¹

Зачатки тех же мыслей можно найти уже у Х. Абовяна. Размышляя об участии умершего тюрка-бедняка, Абовян писал: «Мир душе твоей, бедный покойник, несший при жизни мой образ и подобие! Если даже и не одна была у нас с тобой религия, то сердца-то у нас были ведь одинаковы; если и не ходил ты в нашу церковь, то ведь жил ты со мной под одним и тем же нашим небом, на нашей земле проживал и ходил; язык твой не был моим, но разве образ твой, душа твоя не были подобны моим?!...»²

Или же обратимся к следующим строкам «Ран Армении»: «Даже и дикие народы не променяют своего грубого языка на все сокровища мира. Вот, ты же много раз слышал звуки музыки (европейской): а ну, ска-

¹ М. Налбандян, Незданные произведения, стр. 223 и дальше.

² Х. Абовян, Полное собр. соч., Ереван, 1947, том IV, стр. 25.

жи, тебе больше твой саз и баяти нравятся, или же та музыка?... Довольно и того, что тюркский язык (на котором и сами-то тюрки не пишут, а только говорят на нем), язык, который и необработанней и грубее нашего,—все же стал таким привычным в устах нашего народа, что у нас песни, сказки и пословицы говорят по-тюркски, оставив свой родной язык, и все потому, что вошло в привычку. Народ тот мы неверным называем, а язык—любим, ну, не удивительно ли?...»¹

О тюрках, уроженцах Еревана, Х. Абовян писал: «Выросшие вместе с армянами, они обращались друг с другом как родные братья, вместе проклинали сардара, Гасан-хана, отплевываясь, скрипели зубами при виде кизылбаша... ибо и они, будучи местными уроженцами, не желали и дня одного персам служить, и много раз, объединившись с армянами, изгоняли тех. Да только те силой оружия снова врывались, и снова страну захватывали...»²

В Алексеевском равелине у Налбандяна были под рукой «Раны Армении», и нет сомнения, что приведенные строки «Критики» были написаны под непосредственным впечатлением прочитанного. Нельзя, однако, упускать из виду не только совпадение наблюдений обоих авторов, но и разницу в их подходах: Налбандян пытался объяснить описываемое явление, в то время как Абовян скорее описывал подмеченное, чем пытался его объяснить, склонен был больше удивляться, чем анализировать явления или же делать на их основании обобщающие заключения. Налбандян раскрывал то единство исторического процесса, которое обуславливало собой общность судеб одинаково «угнетаемых и обираемых»

¹ Х. Абовян, Раны Армении, Ереван, 1939, стр. 80 и сл. (на армянском языке).

² Там же, стр. 151, ср. там же, стр. 200.

народов—армянского и тюркского, тем самым обосновывая и их духовную близость.

Подчеркивая общность культурных представлений народов Востока, Налбандян, по сути дела, противопоставлял ее чуждой и насильственно внедряемой европейской «цивилизации». Вновь давало о себе знать резко отрицательное отношение автора «Земледелия» к европейскому капиталу, к его колониальной политике, основанной на грубом насилии и продиктованной алчной погоней за наживой. Идея братской дружбы между армянским и тюркским народами и вытекающие отсюда выводы для политических установок Налбандяна крайне не важны.

Позиция Налбандяна и в этом вопросе была прямо противоположна позициям армянских буржуазных националистов, освободительные теории и практика которых, основанные на принципе национальной исключительности, должны были явиться одной из главнейших причин их полного поражения.

Не подлежит сомнению, что, в борьбе с варварским режимом султанской Турции, Налбандян считал необходимым объединение освободительных усилий всех угнетенных, и усилий армянского и тюркского крестьянства—в первую очередь.

Аналогичные задачи выдвигал Налбандян и перед национально-освободительными устремлениями народов в царской России.

В то время, когда писалась «Критика «Сос и Вардигер», автор ее находился под сводами Алексеевского равелина именно за то, что осмелился от имени армянского народа протянуть братскую руку идеологам революционного движения всех остальных, проживающих в России народов, стать вместе с ними под знамя общей борьбы, направленной против царизма.

В частности, если Абовян напоминал о совместных

политических выступлениях тюркских (в данном случае—азербайджанских) и армянских народных масс в прошлом, то из общих установок узника Петропавловской крепости вытекали выводы о политическом содружестве этих масс в настоящем и будущем.

Провозглашенная Налбандяном идея братской дружбы народов была серьезным достижением на пути развития общественно-политической мысли армянской демократии, поскольку Налбандян не только подчеркивал общность культурных представлений армянского и соседствующих с ним народов, но и противопоставлял эти представления чужеземной «цивилизации» колонизаторского Запада.

Нельзя обвинять Налбандяна и в неблагодарности за «полученное от Европы истинное просвещение». Он выражал готовность в любое время выразить эту признательность, сохраняя за собой право заявить: «Вот, прими от нас проценты на те таланты, которыми ты некогда одарила нас, быть может считая даже потерянным свой дар в закоулках Азии!»

Однако, борясь с «азиатской отсталостью», Налбандян одновременно был непримиримым врагом всех стремящихся увековечить эту отсталость «сил тирании», главной из которых считал именно насильственно навязываемую народам коварную «цивилизацию» колонизаторов. Он помогал своему народу постичь «естественные законы» окружающей действительности для того, чтобы, в их вооружении, быть в состоянии отвергнуть все, противное «естественной природе», все, что препятствовало дружбе, просвещению, свободному развитию и процветанию народов. Против тиранической, корыстной и коварной «европейской цивилизации» Налбандян поднимал знамя национальности угнетаемых и обираемых народов.

В узловых положениях публицистики Налбандяна в наиболее плодотворном периоде его деятельности находили свое отражение основные явления и запросы армянской жизни его эпохи. Присоединением Восточной Армении к России были созданы значительные предпосылки для национальной консолидации армян. Однако этим актом было лишь начато, но не завершено дело национальной консолидации, поскольку западная ветвь армянского народа была оторвана от Восточной Армении: в условиях варварской деспотии Турции процесс их становления в буржуазную нацию был сильно заторможен. Крупные препятствия для дальнейшего развития процесса национальной консолидации армян существовали и в Восточной Армении: колониальная политика царизма в Закавказье загоняла в тупик дело дальнейшего развития производительных сил страны и ликвидации феодальных пережитков прошлого—полукрепостническое положение крестьянства и отсталость широких народных масс,—парализуя их стремление к общественно-политической активности.

Тем не менее, ошибочным было бы искать идейные истоки проповедруемых Налбандяном передовых взглядов лишь в узких рамках армянской действительности, не учитывая крупных сдвигов, имевших место в России после Крымской войны и упуская из виду массовые движения крестьян, которые развернулись накануне «освобождения» крепостных в 1861 году и непосредственно после этого.

Стальной брус новых производительных сил новой капиталистической России, сталкиваясь с кремнем старых, феодальных производственных отношений, высекал искры аграрных и национально-политических революций. Не подлежит сомнению, что глубина революционно-

демократических взглядов и накал настроений Налбандяна были прямо пропорциональны масштабу общего революционного кризиса, возникшего в стране. Армянский народ был в числе тех народов царской России, общественная мысль которых в пору этого кризиса зрела и мужала, переходя в новый этап национально-политического сознания.

Поворот Налбандяна к революционным задачам эпохи получил дополнительный стимул от предпринятых им заграничных поездок. Трибун армянской демократии получил возможность лично наблюдать зарю пробуждения ряда западноевропейских народов, «новое цветение увядших было наций».

«В настоящее время человечество находится во власти смятения,—писал Комс Эммануэл в 1860 году.—В человечестве заметны большая деятельность, большое движение. И та нация, которая не пожелает самостоятельно двигаться и действовать, будет поглощена другой, более деятельной и разумной национальностью»¹. «Нет сомнения, что никогда еще за всю историю человечества не выступали национальности так резко и определенно, как в настоящее время. Национальность словно стала хлебом насущным, без которого невозможно существовать, чем-то вроде электрического тока, который с быстротой молнии охватывает членов различных национальностей. Закваска этого попала и в нашу нацию, и среди нас слышатся голоса, и в нашей груди начинает биться живое сердце!»².

Налбандян считает нужным напомнить о том, что нация переживает «многозначительную эпоху» (имеются в виду национально-революционные движения эпохи.—А. И.), «когда провидение взвешивает и измеряет на-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. I, стр. 460.

² Там же, стр. 463.

ции». И вот, в такое именно время «наше колесо остановилось на распутьи, чтобы покатиться или к своему спасению или же к вечной гибели...»¹

Налбандян призывает молодое поколение армянского народа к национальному пробуждению: он понимает, что медленное разворачивание национального движения может вызвать его поражение. «Годы проносятся с быстротой молнии», — писал он в памфлете «Несколько строк»: «дни летят, словно мгновенья. Опасаемся мы (и имеем основание опасаться), что пока армянин пресытится своим смертеподобным сном, луна успеет навсегда закатиться в бездну за горизонтом...»²

Год спустя Налбандян все же выражал уверенность в том, что «близко время, когда нация очнется от вековой дремоты и почувствует себя способной осмыслить свое прошлое»³.

Заграничные впечатления и связанные с ними настроения Налбандяна нашли яркое выражение еще в одном из разделов «Дневника» Комса Эммануэла за 1859 год: «Длительное и безостановочное путешествие по Европе, — писал он, — скитание в течение месяца по минеральным курортам, сильное обострение болезни и вызванная ею неопишуемая физическая слабость почти лишили меня возможности взять перо в руки. С другой стороны, масса новых и новых впечатлений боролась в моем мозгу, причем каждое из них стремилось занять первое место в моем «Дневнике». Но я пока оставляю их в покое, давая остыть первому пылу, чтобы потом хладнокровно разобраться в них, тем более что они почти не имеют отношения к моим заветным национальным вопросам. Какая мне польза от исполинского об-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. I, стр. 474.

² Там же, т. III, стр. 30.

³ Там же, т. II, стр. 390.

лика Лондона, какая польза от роскошного и порочноголика Парижа, от задумчивого и философского образа Берлина и Германии, если вместе с ними перед глазами моими встает разоренная Армения, ее рассеянный по миру народ, лишенные воспитания и снедаемые духом меркантилизма дети нации, обуянные бессмысленным и ребяческим честолюбием односторонние личности, слышущие учеными, которые подобно мотылькам выются вокруг любой копилки, замеченной в сырой, окутанной густым армянским мраком землянке... Много встречал я здесь прекрасных людей с благородной душой, которые становились очень хорошими моими знакомыми, но все они бывали заняты или своими национальными делами, или же делами всего человечества. Дни и недели текли как вода, и все же не слышал я ни одного слова о том, что жаждал услышать, — слова, которое было бы близко моему сердцу и душе, которое давно уже стало жизнью для меня, слилось с моей душой, кровью моей и мозгом!»¹

Эти рассуждения Налбандяна напоминают нам мысль Белинского. «Теперь Европу занимают новые великие вопросы. Интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми. Но в то же время для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы, как наши собственные. В них нашего только то, что применимо к нашему положению; все остальное чуждо нам... У себя, в себе, вокруг себя, — вот где должны мы искать и вопросы и их решения»².

В этой связи хочется упомянуть также замечательные слова Герцена о том, что пребывал он за рубежом России не для радости, не для рассеяния, отдыха или же

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. I, стр. 411.

² В. Г. Белинский, Собр. соч., т. III, стр. 666.

личной безопасности, а лишь для того, чтобы работать на благо отчизны: «Здесь мне нет другого дела, кроме нашего дела... Я здесь—бесцензурная речь ваша, ваш свободный орган, ваш случайный представитель...»¹

«Дневник» Налбандяна отражает глубокое разочарование его автора тем безразличием, которое проявляли прекраснородные западноевропейские демократы к социально-политическому положению малых и угнетенных народов и к их национально-освободительным движениям. Не согревал сердце Комса Эммануэла и утопический социализм европейских гуманистов, оторванных от освободительных стремлений малых и угнетенных народов. Гораздо больше, чем их отвлеченные или же построенные «применительно к Европе» идеалы, волновали армянского публициста события в России и связанные с ними ближайшие национально-освободительные задачи родного народа и те усилия, которых должно было потребовать от передовых армянских деятелей их разрешение.

Внимательное изучение написанного в начале 1862 года «Земледелия» и связанных с начатым в середине того же года «сенатским делом» материалов убеждает нас в одном: став на путь русской революционной демократии, Налбандян пришел к твердому убеждению, что национально-освободительные перспективы угнетенных народов тесно переплетены с течением разгоравшейся в России крестьянской революции.

Критикуя в 1861 году пресловутую «крестьянскую реформу», Налбандян подчеркивал, что не может быть и речи о каком-либо освобождении крестьян до тех пор, пока «крепостной крестьянин не будет объявлен свободным вместе со своей землей». Идя по пути «уступок», — говорил Налбандян, — царское правительство обещало

¹ А. И. Герцен, Полное собр. соч., т. V, стр. 390.

разрешить крепостным выкупить через два года у помещиков определенное количество земли. Но крестьяне не желали ждать два года, пока изменится положение вещей. В стране начались крестьянские волнения. «Объявил нас свободными вместе с землей нашей,—вот и кончено дело!»—заявляли крестьяне в ответ на царский манифест.

Согласно характеристики, данной в «Земледелии», восставшие крестьяне выдвигали требование не о полной ликвидации помещичьей системы, а лишь о безвозмездном обобществлении их земельных наделов. Иначе говоря, они требовали отмены указанного «уставной грамотой» двухгодичного переходного состояния и немедленного безвыкупного отчуждения приходящихся на их долю земельных наделов.

Такая формулировка требований крестьян не принадлежала одному лишь Налбандяну: мы встречаемся с нею и на страницах «Колокола» и, в частности, в статьях, которые излагал и Огарев от имени организации «Земля и Воля»¹. Предвидя революционный исход начавшихся в стране после 19 февраля крестьянских волнений, Налбандян вместе с Герценом и Огаревым не отказывался от требования новой реформы, могущей удовлетворить ожидания крепостных. Об этом говорит и характеристика, которую он дал в 1862 году борющимся в то время в России сторонам. «В дворянстве, писал он,—видны две антагонистические партии—прогрессивная и ретроградная. Прогрессивная партия стоит за жизненные интересы народа, то есть стоит на стороне крепостных крестьян...»² «Русский народ, на глазах у которого разыгрывается это драматическое представление, является сторонником крепостных крестьян и благо-

¹ «Литературное наследство», № № 41—42, стр. 84 и 98.

² М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 58.

родной прогрессивной партии. В нем также зреет некий дух, и сегодня два-три противостоящих друг другу элемента ее идут все же одной и той дорогой...»¹

Тут крепостные крестьяне и русский народ противопоставлены не всем помещикам, а лишь ретроградской партии помещиков, которая, в представлении Налбандяна, в свою очередь, опирается не на **все** правительство, а лишь на реакционную его часть². Налбандян считал, что остальная часть правительства, то есть проводящая реформу часть официального правительства, колеблется между противоборствующими сторонами, «осталась стоять посреди этих двух»³.

Налбандян видел, как с каждым днем «отдаляются друг от друга народ и правительство, до крайней степени затрудняя этим мирное разрешение вопроса освобождения крепостных крестьян». Он видел создавшуюся в стране революционную ситуацию, но все еще не считал неизбежным революционный исход борьбы на текущем ее этапе. «Да, это лихорадочное, напряженное состояние не может долго длиться, писал он. Если заблаговременно не будет проявлено благоразумие, если крепостной, вместе со своей землей, не будет объявлен совершенно свободным, и узел не будет таким образом разрублен,—то крепостной сам разрешит этот вопрос—при помощи топора. Это время приближается, и оно ближе, чем думают...»⁴. Читая эти строки, приходишь к выводу, что в пору пореформенного кризиса, в вопросе классовых группировок, наметившихся в России, их требований и стремлений, Налбандян и его лондонские единомышленники переоценивали значение сопротивления «прогрес-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 60.

² Сравн. с тем же местом, т. III, стр. 59.

³ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 61.

⁴ Там же.

сивного» дворянства и недооценивали роль крестьянских движений.

В последующем, обращаясь к событиям этого периода, В. И. Ленин писал:

«Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой **внутри** господствующих классов, большей частью **внутри помещиков**, борьбой **исключительно** из-за меры и формы **уступок**. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о **полном свержении** этой власти.

Эти революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян»¹.

«Бродившие в головах крепостных крестьян мысли» не совпадали с классовыми установками, объединявшими различные течения господствующих классов, и едва ли можно было утверждать, что в России «два-три противостоящих друг другу элемента идут все же одной и той дорогой».

«Земледелие как верный путь» написано было в 1862 году, во время пребывания Налбандяна в Лондоне, в условиях тесного общения, постоянного идейного контакта автора с Герценом и его политическими друзьями. Это было время, когда Налбандян становился на позиции создаваемой Герценом и Огаревым революционной организации «Земля и Воля». Не является поэтому случайным, что в своих тактических высказываниях по вопросу о крестьянской реформе Налбандян, в полном согласии с установками Герцена и Огарева, говорил о перспективе крестьянской революции лишь условно, а не как о прямой практической и политической необходимости. В

¹ В. И. Ленин, Сочинения, том XVII, стр. 96.

создавшемся непосредственно после реформы 1861 года кризисе он считал крестьянскую революцию неизбежной лишь в том случае, если господствующие классы не пойдут на уступки крестьянству, если они не освободят крепостных вместе с землей. Вместе с Герценом и Огаревым он выдвигал не одну, а две возможные перспективы разрядки аграрного кризиса в России. «Коль путем и добром не дадут нам воли, топором мы заберем свое приволье!» — так охарактеризовал Огарев настроение крепостных в том же 1862 году¹. «Насильственные перевороты,—писал Герцен в том же году,—бывают неизбежны, может будут и у нас... на них надобно быть готовым»².

Приведенное у Налбандяна напоминание о «топоре», точно так же, как и напоминание о «топоре» и о «насильственном перевороте» у его лондонских друзей, имели, конечно, иной тактический смысл, чем напоминание о топоре в предъявленном лондонским изгнанникам требовании единомышленника Чернышевского, когда он писал: «К топору зовите Русь!» Констатируя необходимость организационного сплочения сил революции, автор «Земледелия» все еще не признавал революцию единственно возможным путем разрешения создавшегося в стране «лихорадочного, напряженного состояния».

Лишь в середине 1862 года, то есть с момента перехода царизма в контрнаступление против нараставшего в стране движения крестьянства, окончательно разувшись в способности господствующих классов разрешить земельный вопрос методами законодательства,—Налбандян, как и лондонские его единомышленники, убедился в том, что разрешение этого вопроса станет возможным только через организованные революционные выступления народных масс.

¹ См. «Литературное наследство», № № 41—42, стр. 99.
² А. И. Герцен, Полное собр. соч., том XV, стр. 372.

Вместе с Герценом и Огаревым он встал на сторону революционной демократии против помещиков и либералов, на путь неуклонной революционной борьбы, знамя которой было поднято Чернышевским и Добролюбовым еще до реформы 1861 года.

Но и до этого момента, ни лондонские эмигранты, ни временно примкнувший к их тактической линии Налбандян не были уверены в том, что русские помещики или царское правительство окажутся способны уразуметь создавшееся после реформы «лихорадочное, напряженное состояние» и пойдут навстречу требованиям крепостных. Этим-то и следует объяснить тот факт, что, выдвигая требование новой реформы, они одновременно прилагали большие усилия для того, чтобы придать волнениям крепостных крестьян характер организованного восстания. Именно этой цели и должна была служить создаваемая с участием Герцена и Огарева организация «Земля и Воля», политические и тактические установки которой нашли прямое отражение в «Земледелии» Налбандяна.

Налбандян всячески стремился практически увязать с этой организацией также и разрешение армянского национально-освободительного вопроса. В июне 1862 года он вернулся в Россию, как кавказский уполномоченный этой организации, ставившей перед ним задачу развернуть на Кавказе и, в частности, среди армян революционную работу. Лишь арест и смерть, последовавшая вскоре после выхода из тюрьмы, помешали Налбандяну выполнить это важное задание.

Еще в памфлете «Несколько строк», написанном в 1861 году, Налбандян сформулировал тезис о том, что новое лишь путем борьбы добивается победы над старым. «Уже давно—пожалуй, даже значительно раньше, чем взялись мы за перо и стали выступать публично,—было нам известно, что на заключенных в темную среду крайне болезненно действует несмягченный свет, быть

может более всего—на глаза... Известно было нам и то, что старые умы никогда не соглашались мирно уступить место новым идеям; известно было и то, что новому всегда придется с боем водружать свое знамя на развалинах старого¹.

Мысль о неизбежности борьбы нового со старым, упомянутая в памфлете «Несколько строк», была учтена Налбандяном и в «Земледелии» при разработке вопроса о стратегии и тактики освобождения крепостных. Вспомним, что это была первая книга на армянском языке, которая ставила вопрос о «человеке и хлебе» и учила рассматривать его с точки зрения интересов «простого народа». Это был решающий шаг от сознания нужд «простого народа» к революционному пути борьбы за освобождение народа и за тот перелом в материальном быту нации, который Налбандян называл «экономической революцией».

Говоря о «русской нации», автор «Земледелия», несомненно, не забывал о том, что в основном «русская нация»—это и есть как раз он сам, «русский народ», противостоящий власти хищников-помещиков и буржуазии и всегда готовый подняться как против внешних сил, так и против господствующего в России крепостничества и поддерживавшей его «государственной системы»—царского самодержавия.

В трактате «Земледелие» Налбандян разрешение экономических вопросов мыслил в тесной связи с вопросами политическими. Нет свободы политической без свободы экономической, и наоборот,—такова основная ведущая мысль всего трактата. Попытку оспаривать это положение автор расценивал, как «ребячество»².

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 15.

² Там же, стр. 92.

Налбандян отстаивал ту же мысль, что в мае 1868 года, почти одновременно с появлением в печати «Земледелия», отстаивал в «Колоколе» Н. П. Огарев. «Иные говорят,—писал Огарев,—что все равно, как бы доходы ни распределялись по народу, лишь бы было такое правительство, которое не притесняло бы по своему произволу, не мешало бы людям жить свободно и распоряжалось бы согласно с волей народной. Другие говорят, что все равно, какое бы ни было правительство, лишь бы доходы распределялись по народу так, чтоб каждый работающий человек с семьей своею был сыт и жил бы в довольстве. Только ставить врозь эти две стороны общего дела нельзя... Врозь вести две стороны общего дела—способ управления и способ землевладения—совершенно ошибочно... Земля земская и правительство земское—одно нераздельное целое»¹.

Несомненно, ни русскому народу, ни эксплуатируемым и угнетаемым крепостным русским крестьянам Налбандян не был склонен заявлять, что, мол, «пусть себе будет вначале какое угодно правительство или власть,—потом все будет исправлено, обновится и т. д. и т. п.». Такую точку зрения он и в данном случае должен был бы считать «ребячеством», убежденный в том, что подобные «исправления»—дело отнюдь не легкое и даже «более трудное, чем утверждение нового с самого начала». В конечном счете Налбандян, очевидно, и ожидаемую в России «экономическую революцию» должен был связывать с перспективой свержения «старых, традиционных правительств», в данном случае—со свержением царизма. В частности со свержением царизма и связывал автор «Земледелия» также и перспективы освобождения Армении. Устами одного из своих друзей

¹ Н. П. Огарев, Избранные социально-политические и философские произведения, М., 1952, т. I, стр. 568 и сл.

он описывал царизм, как некое исполинское строение, «после разрушения» которого должна получиться «масса материала для многих строений», то есть для национального освобождения народов Финляндии, Польши, Украины, Грузии и многих других народов, в том числе—и армянского¹.

В философском труде «Гегель и его время», написанном в 1863 году в Петропавловской крепости, Налбандян различал две ступени общественной зрелости народов. С одной стороны, ему известно конституционное государство, где «общество развивается самостоятельно», по свободной воле самого этого общества, без «попечения свыше». С другой стороны, ему известен и такой тип государства, где «поприще захвачено «фридрихами» (то есть монархией прусского типа) и где «человеческое общество низведено до положения несовершеннолетних сирот»². В первом случае общество суверенно и созрело для «самостоятельного» распоряжения своей судьбой; во втором случае—оно нуждается в попечительстве «фридрихов».

Не подлежит никакому сомнению, что все симпатии Налбандяна на стороне обществ первого типа, стоящих на высокой ступени развития и подчиненных диктату «свободной воли» и совершенного сознания народа.

Налбандян противопоставляет английский государственный строй—прусскому, вполне обоснованно считая первый из них более «зрелым», чем второй. Однако под тем же углом революционно-демократической критики, под которым осуждал он капиталистическую «цивилизацию», рассматривалась им и «конституционная» государственная система Англии.

Еще во время написания «Земледелия» Налбандян

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 61, примеч.

² Там же, стр. 310.

знал подлинную цену свободе, возглашенной английской буржуазной революцией, знал, что, к примеру, английские законы лишь формально защищают свободу печати, тогда как этой свободы фактически не существует в действительности, поскольку над печатью еще продолжает тяготеть насилие самого английского общества (понимай—буржуазии). Но наличие закона о свободе печати не помешало даже такому либералу, как Дж. С. Милль написать книгу «On liberty» («О свободе») — в защиту подлинной свободы, грубо нарушаемой в Англии¹. Буржуазная конституция не возбраняет насилия, она лишь ограничивает меру его проявления. Налбандян знал, что власти имущих служили даже идеи свободы, равенства и братства, провозглашенные в свое время французской буржуазной революцией. Намекая на установленную (якобы «во имя народа») французской буржуазией, под руководством «политического бандита» Бонапарта деспотию, Налбандян писал: «Деспотия бывает неописуемо и несказанно разнузданной, упорной и длительной, если она вытекает из принципов, принятых простым народом. Несменяемое в течение долгого времени деспотическое правительство какой-либо страны есть не что иное, как выразитель души народа. Зачастую народ чувствует бремя насилия и, не углубляясь в корень его, то есть не заглядывая в себя, выступает против терзающего ее насилия,—обезглавливает, изгоняет или же, наконец, так или иначе кончает с выразителем насилия...»² Однако этим не упраздняется фактически насилие, поскольку не ликвидируется корень зла—«понятия народа»: упраздняется внешнее проявление насилия, но, поскольку остается породившая его

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 55.

² Там же, стр. 54 и дальше.

причина,—«само оно, это понятие, начинает тяготеть над собой» не в меньшей степени, чем насилие внешнее¹.

Предвзвешенности народа, то интеллектуально-моральное его состояние, когда «человек, прежде всего, не свободен сам в себе», а затем и то положение вещей, когда формально освобожденный человек «должен бывает применять насилие над своими товарищами»,— вот что являются, по Налбандяну, корнями деспотизма. Однако в «Земледелии» вскрываются и те глубокие классовые противоречия, которые возникли на Западе после буржуазных революций. Автор трактата сознавал, что в недрах буржуазного общества день ото дня заостряется «экономический вопрос», вопрос «человека и хлеба». Он был убежден, что этот трудноразрешимый вопрос рано или поздно будет разрешен «в страшных грозах»,— то есть при помощи кровавых классовых боев, путем политической и социальной революции.

Для Налбандяна, как революционного демократа и просветителя, вопросом первостепенной важности было вызвать перелом, прежде всего, в «понятиях», т. е. в сознании самого народа. Без этого, говорил он, народ не может быть свободен сам в себе, следовательно, не сможет и использовать завоеванную свободу сам для себя. В частности, в пору создавшегося в России революционного кризиса Налбандян исходил из того, что, в случае ликвидации помещичье-самодержавного строя в стране революционным путем, необходимо будет идти не по проповедуемому организацией «Молодая Россия» скользкому пути бунтарства, а избрать тот путь политической подготовки и мобилизации русского народа, который указывала создаваемая в России революционная организация «Земля и Воля».

Не подлежит сомнению, что из революционных

¹ Сравни со стр. 55, там же.

установок организации «Земля и Воля» и исходил Налбандян, когда на страницах «Земледелия» разоблачал создавшиеся после западноевропейских буржуазных революций социальные и политические противоречия, радикальным способом выхода из которых он считал разрешение «экономического вопроса».

Мысль Налбандяна ясна. Для упразднения насилия недостаточно одной лишь политической революции и формальной свободы. Для того, чтобы добиться подлинной свободы, необходимо, чтобы народ был достаточно зрел и организован, чтобы он был способен сам, своей суверенной волей определить свою судьбу. Вот почему необходимо вырвать с корнем из сознания народа сорняки рабства, освободить дух и понятия народа от предвзвешенности покорности традиционным властям и тем самым покончить с положением, делающим возможным деспотическое господство человека над человеком.

Повернувшись к русской революционной демократии, он должен был отвернуться от идей раннего просветительства и осознать наличие тесной связи вопроса национального просвещения с вопросами политического и социального освобождения народа.

«Машина нашей национальности разбита,—писал Налбандян в 1860 году.—Было бы неразумно, если бы мы решили пустить в ход эту машину, пока она разрушена, пока ее части рассеяны и заржавлены и пока в ней нет той целостности и той структуры, которые дали бы ей возможность двигаться и действовать. Обновление машины национальности, то есть простого народа, возможно только тогда, когда ему привита будет сознательность. А сознательность вытекает из просвещения»¹.

Впоследствии Налбандян писал, что просвещение может дать нации лишь «почву и возможности» для

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. I, стр. 453.

того, чтобы обеспечить национальной жизни «разумное», «логическое» направление.

Уже на страницах «Земледелия» Налбандян видел возможность восстановления «машины национальности» армянского народа через свершение «экономической революции». Однако он сознавал и то, что истинное народное просвещение должно явиться следствием не только улучшения реальных условий существования народа, но и его национального освобождения. Свержение господствующего социального и политического строя—вот что должно было явиться прочной предпосылкой к благоустройству национальной жизни, к освобождению нации, «логическому», «естественному» и «разумному» развитию ее жизни.

Но кто же должен был руководить народом, вести его за собой к свободному, светозарному грядущему?

В предисловии к «Земледелию» Налбандян обращается с призывом к молодежи нации,— к тем, которые обязаны «служить не кумирам нации», а «интересам простого народа»,—«дать направление, толчок и ход» вышедшей из строя машине национальности. Этой «армянской молодежи, достигшей познания национальности», и посвятил Налбандян свой трактат «Земледелие как верный путь», ей доверял он штурвал народа, его будущее. От этой молодежи ждал он революционного пробуждения народа, «громозвучного его воскресения».

Большие надежды возлагали на революционную инициативу молодежи и авторы статей и воззваний, издаваемых русскими эмигрантскими кругами в Лондоне в 1861—1862 гг., причем у них так же, как и у автора «Земледелия», речь главным образом шла, конечно, о молодежи—выходцах из недр народа, о молодежи из «разночинцев».

С этой точки зрения представляет сугубый интерес

написанная в 1864 г. «Критика «Сос и Вардигер», произведение, отражавшее идейную эволюцию Налбандяна в условиях пореформенной действительности, эволюцию, сблизившую его тактическую линию с позициями, которые занимали накануне реформы 1861 года и непосредственно после нее Чернышевский и Добролюбов.

Говоря об «идейном оживлении» среди «молодежи», в упомянутой критике Налбандян, несомненно, имел в виду деревенскую молодежь. Именно общественно-политическое лицо этой молодежи и занимало его в романе Прошяна.

Один из персонажей романа—Вайкун разоблачает мовровов (взымавших подати полицейских чинов), которые, останавливаясь во время наездов в деревню у крестьян, разоряли их хозяйства. Это же лицо клеймит и представителей местной власти, которые при помощи мовровов устраивали собственные дла за счет бесправного крестьянства. Другое действующее лицо романа—Аршам не только подтверждает слова Вайкуна, но и упрекает старших братьев за раболепие перед богатыми и власть имущими.

«Аршам,—писал Налбандян,—это показатель нашего (т. е. молодого) поколения... Жаль, что так мало проявляется в романе то направление, представителем которого является Аршам, хотя и в том, что было сказано, мы уже видим животворное влияние скептицизма. От души желаем удачи и развития этому посланцу небес!»¹.

В другом месте Налбандян указывает на то, что в лице Аршама романист показывает нам «скептическое направление в молодом поколении». «Нам весьма желательно было бы узнать,—говорит Налбандян,—насколько велик круг распространения этого спасительного не-

¹ М. Налбандян, Неизданные произведения, стр. 212 и след.

бесного направления среди армянского общества этих мест...»

Под «скептическим направлением» в эпоху Налбандяна понимались искания международной или же русской революционной мысли. Так, осуждая революционно-демократическое течение среди армянской интеллигенции того времени, консервативный журналист М. Агабекян исключал из «национального и нравственного сообщества армян... всех скептиков, космополитов и чуждых нам людей» (то есть армян, воспитанных на идеях русских или же европейских революционеров—А. И.)¹.

Отмечая наличие скептического направления среди «молодого поколения» армянского народа, Налбандян имел в виду тот перелом в умах и ту «проницательность», которые приводили сознательные элементы армянского села к преддверию политической свободы, сигнализируя о назревающих среди крестьянства Армении революционных настроениях, о просыпающемся в нем самосознании.

«В этом мире реальной действительности,—писал он в одной из работ, начатых в тюрьме,—в этом неумолимом веке царствует не какая-либо усыпляющая колыбельная песня, а тот плодотворный скептицизм, который отмечает упрек в косности человеческой мысли»².

В данном случае скептицизм, о котором говорит Налбандян, относился не к тем новым перспективам, которые влекли к себе людей нового поколения, а к все еще господствовавшему в обществе традиционному мировосприятию, от которого постепенно начинали отказываться люди нового поколения. На каждом шагу перед ними вставала стена старого мироощущения, и началом его разрушения служило возникновение спасительного

¹ См. М. Агабекян, Вопрос о католикозате всех армян, Константинополь, 1865 (на арм. языке).

² М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 328.

сомнения, порождая первые проблески сознания необходимости революционного свержения старого, насквозь прогнившего строя.

Характеризуя революционных просветителей 60-х годов, Ленин отмечал их горячую ненависть к крепостническому строю, их страстное стремление к просвещению народа, к самоуправлению и свободе, их борьбу во имя защиты интересов народных масс, то есть, главным образом, крестьянства.

Развиваемые Налбандяном революционно-демократические взгляды в вопросе национальности характерны для формирования его мировоззрения того периода, когда идейный его облик полностью совпадал с характеристикой, данной Лениным.

Многообразна и многокрасочна была деятельность Налбандяна—поэта и романиста, филолога и критика, мыслителя и просветителя, публициста и революционного трибуна. Трудно отделить в нем писателя от ученого, критика-философа от публициста, просветителя и гуманиста от революционного деятеля. Он выступал на всех этих поприщах одновременно и, в то же время, ни одним из них не ограничивал своей многосторонней деятельности. Одно лишь было неоспоримо—на каждом из этих поприщ он выступал, как «свободы воин навек».

Безграничная преданность «простому народу», борьбе за его свободу и счастье,—вот, в конечном счете, то, чем пронизаны были все переживания и думы Налбандяна, что вдохновляло его, давало стимул и направление его деятельности, составляло основной тон его многогранной жизни и творчества. Пафос народолюбия и свободолюбия наполнял жизнью и свежим дыханием лите-

ратуру и публицистику Налбандяна, являясь неиссякаемым источником их действенности и обаяния.

Освобождение нации от оков феодализма—это основной, общедемократический вопрос, который и волновал Налбандяна. Нация—это и был он сам, «угнетенный и обираемый простой народ»; национальность—это собирательное лицо этого народа, его личность, потеря которой равносильна гибели самой нации, гибели народа, а угнетение ее—равнозначуще угнетению нации, угнетению народа.

Делу свержения крепостнических оков, делу защиты социальных и национальных прав «простого народа» и его просвещения непосредственно служила вся революционная деятельность Налбандяна. Он боролся против всякого гнета, воздвигавшего преграды благосостоянию народных масс (в первую очередь—армянского крестьянства) и национально-самобытному их развитию.

Защите социально-политических требований народа, борьбе с феодальными и буржуазными его угнетателями и поработителями и была посвящена вся публицистика Налбандяна.

Перспективы национальной консолидации и национального освобождения армянского народа Налбандян демократ, в отличие от деятелей всех буржуазных и националистических общественных течений среди армян как своей эпохи, так и последующих десятилетий видел не на путях военного или дипломатического вмешательства чужеземных захватчиков, а на путях революционной дружбы и сотрудничества народов, совместно борющихся за утверждение своей национальности и за свое социальное и политическое освобождение.

Возвещая пробуждение национального самосознания армянского народа и сигнализируя о его готовности к политическому самоопределению, Налбандян ориентировал армянское национальное движение на крестьян-

скую революцию в России. В победе этой революции и в содружестве с борющимся за свое освобождение великим русским народом виделась ему твердые гарантии освобождения всех угнетенных народов как Европы, так и Азии.

«Освобождение России имеет огромное значение для дела освобождения всего человечества». Эти вещие слова читаем мы на страницах замечательного труда Налбандяна—«Земледелие как верный путь».

Налбандян не сомневался в том, что самым большим и искренним сторонником освобождения угнетенных царизмом народов прежде всего является борющийся против царизма свободолюбивый русский народ. Устами выведенного в «Земледелии» корреспондента своего из Западной Армении Налбандян заявлял, что «сами они—русские добиваются свободы для себя, но и возглашают, что Польша, Финляндия, Малороссия (с 15-ти миллионным ее населением), Кавказ, Грузия и Армения должны быть свободны и независимы от Велikorоссии для того, чтобы 43 миллиона собственно русского народа могли действительно освободиться, отвергнув начала всякого рабства и всякого насилия»¹.

История полностью оправдала высказанную Налбандяном уверенность. Освобожденный Великой Октябрьской революцией русский народ полностью признал право на национальное самоопределение за всеми угнетенными царизмом народами. Опираясь на союз рабочих и крестьян народы нашей страны приобрели необходимые условия для ликвидации всех видов рабства в нашей стране и развертывания борьбы за мир и свободу народов во всем мире.

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 61 (примеч.).

Ред. М. БАБАДЖАНИЯ
Техн. ред. Е. АХИРЯН
Контрольн. корр. Р. МАЛЫЦЕВА

ВФ 10373.

Заказ 248.

Тираж 5000.

Сдано в набор 26/II 1955 г. Подписано к печати 23/V 1955 г.
Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. 5,5 л. Уч.-изд. 4,0 л.

Цена 2 р. 40 к.

1-я типография Главиздата Министерства культуры Арм. ССР.
Ереван, ул. Алавердяна, 65.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
55	3 и 4 св.	основанный, в рабстве пребывающий вечный город рукою рабства (был освобожден и) с башни...	основанный, рабством созданный и в рабстве пребывающий вечный город с башни...
77	2 св.	1868 года	1862 года
83	17 св.	для	дела

Заказ 248

отб-1
кнз-1